

**КУРСКИЙ ИНСТИТУТ
МЕНЕДЖМЕНТА, ЭКОНОМИКИ И БИЗНЕСА**

**НАУЧНЫЕ ЗАПИСКИ МЭБИК
за 2003 год**

**Сборник научных статей
Выпуск III**

Курск 2003

ББК 74

*Печатается по решению
учебно-методического совета
Курского института менеджмента,
экономики и бизнеса*

Н 34

Н 34 Научные записки Курского института менеджмента, экономики и бизнеса. Сборник научных статей. Выпуск III (2003 год) // Под ред. Кликунова Н.Д., Курск, Изд-во Курского института менеджмента, экономики и бизнеса, 2003. – 112 с.

ББК 74

Научный редактор – к.э.н., профессор Курского института менеджмента, экономики и бизнеса, Кликунов Н.Д.

Научные записки посвящены актуальным проблемам развития современной социально-экономической системы России.

В работах авторов нашли отражение различные подходы к путям оптимизации работы как сектора социальной сферы экономики, так и функционирования системы высшего образования Российской Федерации.

ББК 74

ISBN 5-93911-024-X

© Коллектив авторов, 2003

© МЭБИК, 2003

Содержание

Предисловие

Аникина Н.А.

Роль заимствований в формировании языковой и концептуальной картин мира

Гусева И.В.

Модернизация российского образования: причины, тенденции и перспективы.

Ермолатий О. Н., Ермолатий Л. А.

О тенденциях развития высшего образования в европейских странах.

Закурдаева В. В.

Функции массовой культуры в современном обществе

Зарецкая В.Г.

Практика применения экспертных оценок в экономических исследованиях.

Кликунова Е.В., Часовских Г.А.

К вопросу о воспитании и образовании молодежи в современной России (по идеям Н.К. Рериха).

Кликунов Н.Д., Иноземцева Л.Н., Окорокова Г.П.

Рыночные отношения в системе высшего образования РФ: от территориального монополизма к монополистической конкуренции

Кликунов Н.Д., Окороков В.М.

Отношения собственности в вузе: проблемы владения, пользования и распоряжения

Кравченко Р.А.

Анализ динамики демографических и миграционных процессов населения Курской области

Кузнецов Д.П.

Особенности философской рефлексии над проблемами социального финализма

Лагутин И.Б.

Образовательный Банк – панацея для системы образования РФ

Левченко В.А.

К вопросу о роли государственной политики в

области развития местного самоуправления

Левченко В.А., Селютин И.В.

Основные направления совершенствования работы
МТС

Гитис И.И.

Моралогия – наука о нравственности

Наджафов И.А.

Дискуссии—эффективный метод решения
коммуникативных задач

Попов В.В.

Определение прав собственности: пример
Каспийского моря

Скрябина Т.В.

Этническая и локальная идентичность погранично-
го региона

как объект социологического анализа

Suspitsin Dmitry

*Russian Private Higher Education: Alliances with
State-Run Organizations*

Levy Daniel C.

Types of private higher education

Jokes about economics

Предисловие

В наше беспокойное время тотальной информационной асимметрии, господствующих отрицательных внешних эффектов, территориальной монополии очень трудно отличать зерно от плевел. Критерии значимости в научном мире могут быть разными начиная от того, в какой из очередных Академий Вы состоите и заканчивая индексом цитирования Ваших работ, как в нашей стране, так и за рубежом.

Данные научные записки служат двуединой задаче. Первая состоит в том, чтобы показать, чего достигли преподаватели Курского института менеджмента, экономики и бизнеса за первое десятилетие существования нашего вуза, ибо вуз – это, прежде всего, профессорско-преподавательский состав. Вторая – в подтверждении максимы «Вы тот, что Вы написали». Научные статьи автора являются лучшим подтверждением профессиональной пригодности работника высшей школы, так как по ним можно быстро и надежно определить глубину освоения проблем.

Как редактору научных записок Курского института менеджмента, экономики и бизнеса хочется выразить уверенность, что авторы нашего сборника внесли своими статьями важный вклад в решение проблемы «Кто Я в научном мире?» как для самих себя, так и для своих коллег.

С уважением,
редактор научных записок
Н.Д. Кликунов

*Аникина Н. А., к.п.н., доцент
кафедры иностранных языков
Курского института менеджмента,
экономики и бизнеса*

Роль заимствований в формировании языковой и концептуальной картин мира

В наше время засилье иностранных слов в языке, особенно интенсивное влияние английского языка, беспокоит общественность в различных европейских странах, в том числе во Франции, в России, и особенно в Германии. Во Франции и в Польше действуют законы, предусматривающие штрафы за злоупотребление иностранными словами. В нашей Думе дискутировался вопрос о принятии соответствующего закона. В Германии уже идет речь о деградации современного немецкого языка и формировании языка *Denglisch* — смеси *Deutsch* и *Englisch*, а члены «Общества защиты немецкого языка» выступают против «колонизации» немецкого языка английским. При этом критики чрезмерного увлечения английским языком признают, что его роль как универсального средства общения неоспорима.

Анализируя конкурентоспособность англицизмов по отношению к немецкой лексике, Г.Н. Россихина выделяет три группы заимствований: заимствования - интернационализмы (*Computer, Jeans*), заимствования, употребляемые наряду с немецким эквивалентом (*Song/ Lied, Teenager/ Jugendlicher*) и заимствования, постепенно вытесняющие из сферы употребления немецкие соответствия (*Hobby* вместо *Liebblingsbeschäftigung*, *Party* вместо *Abendveranstaltung*) (Россихина Г.Н., 2001).

Автор статьи под названием «Новый англо-немецкий язык: угроза или реальность?» признает, что иностранные слова обогащают любой язык, что без них не обойтись при передаче национального колорита (*die Geisha, die Datscha*), что они порой становятся понятнее и привычнее, чем «свои» слова (*Telefon* вместо *Fernsprecher*, *Foto* вместо *Lichtbild*), и что они обогащают язык новыми стилистическими знаниями (*Gentleman/Herr*) или отражают нюансы содержательного плана (*fit/tauglich, fair/anständig*) (Россихина Г.Н., 2001). Тем не менее беспокойство, вызванное экспан-

сией английского языка, растет. На этом фоне хотелось бы, насколько возможно, объективно оценить, какое место занимают заимствования в языке-рецепторе и насколько велика угроза со стороны иностранных слов его самостоятельности и самобытности. Исследование английских заимствований в немецком языке свидетельствует о том, что они не просто часто встречаются в какой-то сфере, не только естественно входят в языковую среду, но что они находят свою нишу в национальной языковой картине мира. Например, анализ лексикона моды (женская одежда) на основе каталогов, изданных в Германии в 2000–2001г. показал, что лексемы немецкого происхождения составляют менее 10%. Все остальные — это преимущественно английские, реже французские, заимствования или производные от них.

Изобилует англицизмами молодежный сленг. Родители сетуют, что порой не понимают своих детей, когда они разговаривают друг с другом. Молодежный словарь формируется как на основе исконно немецких слов путем переноса значения или словообразования, так и с использованием заимствований, чаще всего из английского языка. Например, *das Asid* [e:sid] [англ. *acid*] «направление в музыке («кислуха»), наркотик», *Baby-Kid* «мелюзга» (часто обозначение младших школьников более старшими), *Big Boss* «отец», *Brain Foods* «пища, стимулирующая работу мозга» *Cash* «деньги, бабки», *Compi-Freak* «программист-фанатик», *cool* «невозмутимый, хладнокровный», *Crash-Kid* «лихачи, испытывающие судьбу (по городским улицам) при игнорировании всех правил дорожного движения», *chraschen* «потерпеть аварию» (НПСМЛ, 1998). Список можно продолжить. Хотим мы этого или не хотим, но для молодых людей данные слова имеют коммуникативное наполнение, репрезентируют определенные концепты, из которых в конечном счете складывается своя концептосфера.

Анализ соотношения семантики и соотнесенности с концептом заимствованного слова в исходном языке и в языке-рецепторе позволил нам выделить три группы:

1. Заимствованное слово сохраняет в языке-рецепторе значение, а также соотнесенность с закрепленным за ним в исходном языке денотатом и концептом. Например, *Pool* в немецких словарях [FL и DUW] переводится с английского языка английским словом *Swimming-pool*. К этой группе можно отнести слова *Jeans*, *T-Shirt*.

2. Нередко наблюдаются случаи, когда с помощью заимствованного слова вербализируется новый концепт, хотя по денотату исконное и заимствованное слова совпадают. Так, образованное от английского слова *job* «работа» немецкое *der Job* чаще употребляется в значении «кратковременная, временная работа» (с целью дополнительного заработка). Ср.: русс. киллер, заимствованное из английского (*killer* – «убийца») и приобретенное в языке-рецепторе новый концептуальный признак «заказной» (убийца).

3. Заимствование приобретает в языке-рецепторе новое значение и репрезентирует новый концепт. Напр., *Boss* в значении «отец», *Handy* «мобильный телефон». (Ср.: русск. ваучер от англ. *voucher*.) Слово в русском языке не только соотносится с новым концептом, но и приобретает пейоративный оттенок.

Следующий вопрос — об угрозе со стороны заимствований, в частности англицизов, самобытности и самостоятельности языка. Опасения о появлении языка-гибрида представляются несколько преувеличенными. Прежде всего потому, что язык сам регулирует процессы, происходящие в нем на всех уровнях (Чернышева И.И., 2001). Благодаря тому, что язык является саморегулирующейся системой, иноязычные заимствования интегрируются в него и получают коммуникативное наполнение. Анализируя процессы, доказывающие то, что язык это саморегулирующаяся система, И.И. Чернышева рассматривает синонимы и замечает, что «язык как бы сам регулирует чрезмерное развитие многозначности путем замены отдельных лексико-семантических вариантов синонимичными словами» (Чернышева И.И., 2001, с. 66). Такими синонимами могут быть также заимствования. В качестве примера приводится замена многозначной лексемы *Haus* в значении «семья» латинским заимствованием *Familie*. Как отмечает И.И. Чернышева, «многочисленные примеры из истории немецкой лексики... позволяют увидеть закономерности победы иноязычных синонимов вследствие их моносемантичности, если исконное слово было либо многозначным, либо имело несколько омонимов» (Чернышева И.И., 2001, с. 68).

Вторая причина, вытекающая из первой, видится в том, что заимствование иностранных слов не является импортом материи или формы, т.к. «значения и звучания иноязычного слова интерпретируются уже имеющимися средствами принимающего языка

(например, в слове вестерн отсутствует английский звук [w], а похожие звуки не являются английскими фонемами из слова western!)» (Кашкин В.Б., 2002, с.92). И с этими доводами трудно не согласиться.

Наконец, третья причина — сам носитель языка. Позволю себе еще раз процитировать статью Чернышевой И.И.: «Основным и постоянно действующим стимулом эволюции, как можно себе представить, является коммуникативная необходимость, поскольку ментальная, концептуальная, интеракциональная деятельность человека возможны в результате адекватности структуры языкового материала» (Чернышева И.И., 2001, с. 70).

Многие языки, в том числе немецкий и русский, неоднократно испытывали на себе сильное воздействие других языков. В разные периоды это были греческий и латинский, французский и английский языки; не избежали взаимовлияния немецкий и русский. Также неоднократно в истории многих народов усиливалось стремление очистить родной язык от иноязычных элементов. Еще А.С. Пушкин сетовал на то, что в русском языке нет слов «панталоны», «фрак», «жилет», и каялся в том, что его слог «пестреть гораздо б меньше мог иноплеменными словами». Несмотря на многочисленные заимствования из других языков, наши современники в России прекрасно понимают язык А.С. Пушкина, а в Германии — И.В. Гёте. И это заслуга не законов и штрафов, направленных против использования иностранных слов, а заслуга языков, развивающихся по собственным законам, и людей, для которых эти языки являются родными и которые решают, станет ли для них «чужое» слово «своим».

Список литературы:

1.Кашкин В.Б. Введение в теорию коммуникации. Учебное пособие. — Воронеж: Изд-во ВГТУ, 2000.

2.Россихина Г.Н. Новый англо-немецкий язык: угроза или реальность?// Филологические науки 2001 №2.

3.Чернышева И.И. Еще раз о саморегулирующихся процессах в лексиконе языка. // Филологические науки 2001 №6.

Словари:

НПСМЛ — Минаков А.В. Немецко-русский словарь молодежной лексики. Deutsch-russisches Wörterbuch der jugendsprachlichen Lexik. Курск: Изд-во Курск. гос. пед. ун-та, 1998.

F2 — Friedemann bedürftig. Fremdwörterlexiken.— Köln, Neuer Pawlak Verlag.

DUW — Duden Deutsches Universalwörterbuch. Mannheim; Leipzig; Wetzlar; Zürich: Dudenverlag, 1996.

*Гусева И.В., к.п.н., доцент
Курского института менеджмента,
экономики и бизнеса*

Модернизация российского образования: причины, тенденции и перспективы

Жизнь идет, она всегда движется - и так
легко разучиться понимать ее, измеряя ...
старой меркой.

(М.Горький)

Судьба всех структурных преобразований российской высшей школы определялась тем, насколько образовательные и воспитательные процедуры отвечали потребностям всего общества и отдельной личности.

Образование и общество неотделимы. Это одна система. Любые сколько-нибудь глобальные проблемы, с которыми сталкивается общество, социум, цивилизация в целом, неизбежно сказываются и на состоянии сферы образования. И вместе с тем именно сфера образования, откликаясь на эти общественные и цивилизационные проблемы, будучи чувствительной к ним, способна и обязана оказывать свое существенное влияние на развитие тех или иных тенденций к обществу, поддерживать или, напротив, тормозить их, находить свои специфические возможности решения глобальных или локальных социальных проблем, упреждать нежелательное развитие событий [3, 49].

Если обратиться к истории страны, то можно выделить несколько общих тенденций в становлении высшего образования на определенных этапах общественного развития. В годы первых пятилеток качество высшего образования страдало от чрезмерной идеологизации, были созданы приоритеты выходцам из рабочих и крестьян, открывались «рабфаки», выпускники которых принимались в вузы

без экзаменов. Руководство деятельностью высшей школы осуществлялось разветвленной системой партийных органов, действовавших непосредственно в системе образования или через государственные структуры и общественные организации. Начался бурный рост числа обучаемых в высшей школе, который не соответствовал материально-техническим и финансовым возможностям народного хозяйства и превышал его реальные потребности в специалистах.

Пик расцвета высшей школы в СССР пришелся на 50-60-е годы, когда страна занимала одно из ведущих мест в мире по числу студентов на 10 тыс. жителей и по качеству подготовки специалистов в области математики, естественных наук и техники. Главная проблема качества подготовки специалистов того времени состояла в том, что они не были готовы к самостоятельному решению практических задач и творческой деятельности, не были сформированы навыки для непрерывного самообразования, выпускники не имели социально-психологических знаний, необходимых для работы в коллективе или руководства им; не имели навыков работы с современной вычислительной техникой.

Для системы высшего образования переходного периода (конец 80-х - начало 90-х годов) характерны следующие тенденции: недостаточное бюджетное финансирование, слабая материально-техническая база вузов и неудовлетворительное материальное положение студентов и преподавателей; недостаточная профессиональная ориентация и слабая подготовка выпускников средних школ к вузовским формам и методам обучения; низкий уровень и неэффективное использование технических средств, автоматизированных и компьютерных систем обучения; недостаточная индивидуализированность обучения, ограниченные возможности выбора дисциплин; невысокая познавательная активность и заинтересованность самих студентов из-за повышенной «социальной защищенности» (бесплатное обучение, гарантированное государственное распределение на работу по окончании вуза, стипендия и т.п.) [11, 32].

Чтобы понять природу и движущие силы развития высшего образования в современном мире, необходимо рассмотреть закономерности, влияющие на сферу образования в целом и на высшее образование, в частности. Это - рост наукоемких производств, для эффективной работы которых более 50% персонала должны иметь высшее и специальное образование; интенсивный рост объема научной и технической информации, что требует от специалиста

способности и навыков самообразования, включения в систему непрерывного образования и повышения квалификации; быстрая смена технологий требует хорошей фундаментальной подготовки и способности быстро осваивать новое; разработка научных исследований, ведущихся на стыке наук, что становится возможным при обширных и фундаментальных знаниях, при умении работать коллективно; рост ценности творческой, неалгоритмизируемой деятельности и спрос на специалистов, способных так действовать и др.

Образование как социальный институт в современных обществах является одним из основных каналов социальной мобильности, играя важную роль в социальной дифференциации членов общества, распределении их как по социальным слоям, так и внутри этих слоев [12, 29; 13, 90]. Образование, специальность, квалификация представляют собой инструмент для достижения личностно значимых целей. «Получение ресурсов в сфере образования в значительной степени обуславливает социальную мобильность, доступ в дальнейшем к другим общественным благам, поскольку в развитом обществе освоение многих ролей, обретение определенных статусов практически детерминируется учебой, прохождением через формальные организации института образования» [4, 89]. Возникновение новых структур образования, как показывают исследования, обусловлено острой общественной потребностью в изменении и дополнении содержания образования на всех его ступенях и во всех формах. «Система новых форм образования ... начала заполнять пустоты и разрывы в традиционной системе подготовки, а также создавать новое знание в ответ на запросы преобразующегося общества» [6, 4].

«Негосударственные вузы стали играть значительную роль в подготовке специалистов, удовлетворении потребностей личности в получении высшего образования. В настоящее время... существование и развитие негосударственных высших образовательных учреждений дает возможность расширять сферу образовательных услуг, сохранять на приемлемом уровне количественные и качественные показатели, внедрять новые технологии, сохранять научно-педагогический потенциал высшей школы» [7, 48].

Первое требование к образованию сегодня - его общеразвивающий эффект. Цели образования состоят в жизнеобеспечении общества при данных конкретно-исторических условиях, в развитии его производительных сил, общей культуры; в укреплении гра-

жданского статуса отношений и морально-правовых устоев и в учитывании того факта, что в современном быстромеющемся мире знания, ум и навыки достаточно быстро утрачивают необходимое им стабильное соответствие реальным явлениям и процессам. Выпускнику учебного заведения необходимо овладеть умениями преодолевать отжившие стереотипы мышления.

Молодой специалист в наше время не только должен хорошо знать теорию, но и отлично представлять практику, так как ему не предоставлена возможность постепенного овладения профессией. Таким образом, перед высшей школой стоят сегодня две проблемы: определить, какие знания и в каком объеме должен получить будущий специалист в высшей школе в условиях рыночных отношений, и каким образом должно осуществляться формирование этих знаний у студентов. В основном эти проблемы решаются во всех высших учебных заведениях примерно одинаково, так как все они в той и иной степени руководствуются рекомендациями Министерства образования России. Вместе с тем, за последние годы появилось очень много негосударственных вузов, где учебный процесс осуществляется по методу и подобию государственных вузов, но все-таки имеет свою специфику из-за отсутствия прямого подчинения Министерству образования страны. «Дальнейшее развитие государственной высшей школы зависит от возможности и способности вписаться в рыночные отношения... Негосударственные вузы были порождены новыми экономическими условиями и потому... лучше и быстрее адаптируются к рыночным условиям. У них благополучнее финансовое ситуация и сотрудники увереннее смотрят в будущее» [9,100].

Гибкая система образования в негосударственных вузах позволяет изменять содержание учебного плана, включая дисциплины, необходимые современному специалисту, вводить интенсивные методы обучения и контроля, изменять форму проведения учебных заведений, свободно осуществлять подбор ведущих специалистов, преподавать дисциплины «блоками», реализовывать новации и современные педагогические технологии в образовательной практике подготовки будущих специалистов, профессионально компетентных, социально и культурно развитых, конкурентоспособных в современных социально-экономических условиях.

Принцип коллективизма и корпоративности предполагает создание той уникальной атмосферы взаимопонимания и сотрудни-

чества, взаимоподдержки и заинтересованности в успехах друг друга, которая свойственна семейным отношениям единения, теплоты и внимания к каждому. [1, 27]. «Изменение относительной роли инновации и традиции в структуре инновационного обучения, обращенного к будущему, предполагает изменение типа отношений между поколениями... Эти отношения утрачивают характер принуждения, подчинения власти традиции. Они не могут быть ни чем иным, как отношениями сотрудничества, взаиморегуляции, взаимопомощи равных. В процессе учения преобладающим становится творческое начало [10, 3]. Обучающиеся во все большей степени начинают рассматриваться как активные субъекты собственного образования, полноправные партнеры наставников [5,120].

Появление многочисленных негосударственных (а точнее, небюджетных) вузов - это веление времени. Их ускоренное развитие обусловлено не только поисками путей выхода из кризиса, в котором оказалась государственная система высшего образования, но и становлением в России рынка образовательных услуг, объективно потребовавшего создания разнообразных образовательных структур.

Определенные преимущества дает негосударственным вузам ориентация учебного процесса на подготовку специалиста узкопрофессионального профиля. Она позволяет придать этому процессу больше конкретики, особенно если практические занятия по специальным дисциплинам проводятся по методу кейсов, то есть в форме детального ситуационного анализа, максимально приближенного к анализу реальных ситуаций, с которыми могут столкнуться будущие специалисты в своей профессиональной деятельности. Эти ситуации черпаются из конкретной хозяйственной практики, либо разрабатываются опытными преподавателями как имитационные модели, виртуально, но в режиме реального времени. Метод кейсов учит студентов самостоятельно проводить всесторонний анализ конкретной производственно-хозяйственной проблемы, находить альтернативные и наиболее эффективные пути ее решения [8, 27].

Переход к новым технологиям обучения обусловлен тем, что традиционные методы в недостаточной мере способствуют развитию таких качеств и свойств личности, как адаптивность к быстроизменяющимся условиям жизни, рефлексивность мышления в силу того, что сутью учебного процесса является передача образцов готового знания. Следовательно, все больше ощущается по-

требность в инновационных методах обучения, назначение которых заключается в формировании способов мышления, понимания, рефлексии по усвоению алгоритмов действия, сознательному использованию и применению полученных представлений в последующей практике.

Каковы же перспективы развития негосударственного сектора высшей школы? Заглядывая в ближайшее будущее, можно предположить, что численный рост негосударственных вузов не будет столь стремительным, как прежде. Не исключено, что по финансовым причинам или по причинам функциональной несостоятельности закроются некоторые существующие негосударственные вузы. Возможно, станет целесообразным объединение отдельных успешно функционирующих негосударственных вузов в университеты при сохранении юридической самостоятельности объединяемых вузов. Вполне реально кооперация негосударственных вузов с государственными. Негосударственный сектор сможет активно развиваться при условии успешного функционирования сильных государственных вузов. Процесс развития негосударственных вузов идет таким образом, что они все более активно интегрируются в сложившуюся вузовскую систему, дополняя ее новыми «красками» и обогащая новыми возможностями.

В ходе совершенствования российской системы высшего образования и государственные, и негосударственные вузы закономерно будут обогащать друг друга как за счет накопления и отбора положительного образовательного опыта, так и более тесного сотрудничества между собой. Этого требует от них и объективный процесс интеграции России в мировые образовательные системы.

Список литературы:

1. Астахова В., Астахова Е. О государственной ответственности негосударственных вузов // Высшее образование в России. - 2001. - № 2. - С.24-40.
2. Вениаминов В.Н. Появление и функционирование негосударственных вузов - это нормальное явление // Образование и бизнес. - 2000. - № 43 (67).
3. Гершунский Б.С. Образование в третьем тысячелетии: гармония знания и веры // Педагогика. -1998. - № 2. - С.49-58.
4. Константиновский Д.Л. Образование как фактор социальной дифференциации и мобильности («круглый стол»). // Социс. – 2003. - № 5. – С.89-100.

5. Корнетов Г.Б. Постмодернистская перспектива эволюции образования на рубеже тысячелетий // Педагогика. - 1999. - № 8. - С.118-120
6. Крокинская О.К., Кашеев В.Д., Смирнова Е.Э. Новые формы образования как рынок образовательных услуг. - М., 1998. - 48 с.
7. Крухмалёва О. Социокультурные основания развития платности образования // Вестник высшей школы. - 1999. - № 11. - С.47-49.
8. Лидванова Л.И. Негосударственный вуз: альтернатива государственному или веление времени? // Образование и бизнес. - 2000. - № 2 (26).
9. Пугачева Е.Г., Соловьев К.Н. Высшая школа: некоторые проблемы самоорганизации // Социс. - 1999. - № 11. - с.99-101
10. Сластенин В.А., Подымова Л.С., Руденко Н.Г. Теоретические предпосылки инновационных технологий обучения // Проблемы педагогического образования. Сб. научных статей: Вып.4. - М.: МГПУ, 1999. -42
11. Смирнов С.Д. Педагогика и психология высшего образования: от деятельности к личности. - М.: Аспект-Пресс, 1995. -271 с.
12. Сорокина Н.Д. Образование как фактор социальной дифференциации и социальной мобильности в российском обществе. // Вестник МГУ. - Сер. 18. - 1996. -№3.-С. 28-36
13. Сорокина Н.Д. Усиление дифференцирующей функции образования (материалы «круглого стола»). // Социс. – 2003. - № 5. –С.89-100

*Ермолатий О. Н., ст. преп.
Курского института менеджмента,
экономики и бизнеса*

*Ермолатий Л. А., ст. преп.
Курской государственной
сельскохозяйственной академии*

О тенденциях развития высшего образования в европейских странах

В последние годы во всем мире растет интерес к проблемам образования, и высшего профессионального образования в частности, которое справедливо рассматривается как важнейшее условие прогрессивного развития общества. Соответствие высшего образования запросам дня в настоящее время вновь обсуждается во всем мире. Конференции по высшему образованию, проведенные в разных странах мира, подтвердили, что сегодня мы столкнулись с

глобальными проблемами, требующими решений во всемирном масштабе, несмотря на то, что регионы отличаются друг от друга в экономической, социальной, культурной и других областях. Трансформация общества, интеграционные процессы, происходящие в нем, требуют адекватного обновления образовательной системы и особенно высшего профессионального образования. Россия, являющаяся с 1996 года членом Совета Европы, не может оставаться в стороне от общеевропейской образовательной политики, требующей сближения национальных систем образования и выработки некоторых общих принципов воспитания и обучения молодежи.

Создание единого европейского образовательного пространства и сближение программ европейских университетов по схеме «3-5-8» или «лиценциат – магистр – доктор» должно в ближайшее время привести к изменению всей организации обучения в высшей школе.

Каким образом трансформируется европейская высшая школа? За период с 1998 по 2003 год министры высшего образования европейских стран разработали проекты по организации трехуровневого высшего образования, по развитию мобильности студентов и преподавателей, по признанию дипломов и квалификаций, по улучшению качества обучения с тем, чтобы вернуть европейскому университету его былой престиж.

Определенный интерес для изучения и анализа представляет опыт Франции – одной из наиболее развитых западноевропейских стран. Следует отметить, что французская высшая школа перестраивается довольно интенсивно: возникают новые направления вузовского обучения, диверсифицируются его формы, учреждены равноуровневые дипломы: DEA (диплом о специальной подготовке), DESS (диплом о продвинутой специальной подготовке), Mastere (вид степени магистра, степени доктора третьего цикла и доктора инженерного дела), MST (вид степени магистра в области науки и техники) и Magisteres (продвинутая степень магистра), а также создается множество небольших новых школ, вводятся новые университетские дисциплины (управление, экономическая и общественная администрация, информатика, практика иностранных языков и т. д.)

Французская образовательная система предусматривает специализацию учащихся на уровне получения среднего образования, преемственность между средней и высшей школой, массовость и

общедоступность государственного высшего образования, наличие государственных и негосударственных образовательных учреждений, элитарного частного сектора высшего образования.

Помимо такой традиционной миссии, как обучение, подготовка и проведение научных исследований, сохраняющей свое основополагающее значение, важную роль играет просветительская миссия высшего образования, заключающаяся в том, чтобы благоприятствовать всестороннему и гармоничному развитию личности и воспитывать ответственных и информированных граждан, готовых отдавать свои силы делу созидания более совершенного общества будущего. Культурная и этическая миссия высшего образования относится к числу основных приоритетов образования в целом.

Для того, чтобы выполнить свою интеллектуальную и культурную миссию, сыграть свою социальную роль, французские университеты стремятся принять как можно больше студентов различного социального происхождения. Развернуты широкие инициативы по созданию университетов «без границ». Для того, чтобы увеличить количество иностранных студентов, обучающихся во Франции, при министерстве образования создан национальный совет по приему иностранных студентов, упрощены административные процедуры записи в университет, предусмотрены различные виды стипендий, предоставляется возможность совмещения учебы с работой, создаются летние университеты для студентов из всех европейских вузов.

Значительно реорганизован и сам процесс обучения: разрабатываются инновационные педагогические проекты, развиваются дистанционные формы обучения. По мнению министра высшего образования Франции, национальные университеты становятся динамичными центрами, способными к сотрудничеству в рамках общеевропейских образовательных программ.

*Закурдаева В.В., к.соц. н,
проректор по учебной работе
Курского института менеджмента,
экономики и бизнеса*

Функции массовой культуры в современном обществе

Кризисное состояние современного общества, снижение уровня духовности в современном мире большинство западных и отечественных ученых, так или иначе, связывают с появлением и влиянием массовой культуры. Хотя за пределами этого общепризнанного факта существуют серьезные расхождения в оценке и самой массовой культуры, и ее роли в формировании повседневного стиля жизни и мышления людей.

На наш взгляд, массовая культура представляет собой концентрацию и выражение сути современного типа производства, т.е. организованной, институционализированной формы производства и трансляции духовных продуктов, ценностей, а не саму культуру современного общества.

Понятие «массовая культура» отражает существенные сдвиги в механизме современной культуры: развитие средств массовой коммуникации, становление индустриально-коммерческого типа производства и распределение стандартизированных духовных благ; относительная демократизация культуры и повышение уровня образованности масс; увеличение времени досуга и затрат на досуг в бюджете семьи.

Массовая культура обладает своими эстетическими и познавательными ценностями. Она формирует духовный мир человека и осуществляет руководство его эмоциями. Это не только индустрия, производящая массового человека, но еще и комплекс духовных ценностей и эстетических принципов, которые с одной стороны отвечают вкусам и запросам массового потребителя, с другой, формируют их у него.

Функциональность массовой культуры в современном обществе можно определить по нескольким измерениям.

Во-первых, она отвечает потребностям многообразной и сложной ориентации в условиях необходимости освоения различных ролей, меняющихся в зависимости от ситуации, быстрых перемен в характере производства, образе жизни и т.д.

Во-вторых, обращаясь к низовым и повседневным сферам поведения, массовая культура утверждает понятные и стереотипные представления о человеческих отношениях, не требуя от человека усилий на преодоление самого себя. Она обращается к жизненным инстинктам, срабатывающим как условия постоянного жизнеобеспечения.

Таким образом, первичная функция массовой культуры - обеспечить социализацию и витальность человека в условиях усложненной, изменчивой, неустойчивой и ненадежной социальной среды, приучить к новым социальным ролям и ценностям, способам регуляции своего поведения и деятельности в разнообразной обстановке, снятия психологического напряжения в решении конфликтных ситуаций.

Огромному контингенту людей, и в первую очередь молодежи, массовая культура дает функционально пригодные представления о необходимом стиле поведения, образе жизни, карьере, отношениях между людьми, путях реализации своих стремлений в современном обществе.

Другая важная функция массовой культуры - удовлетворить потребность в рекреации и отвлечь индивида от интенсивной гонки в сферах жизненного успеха. Эта культура складывается не только на основе таких развлекательных жанров, как эстрада, комедия, комикс, зрелищный спорт, которые не только развлекают, но и украшают жизнь, обогащают ее эстетически, способствуют в определенной мере расширению кругозора воспринимающих их людей, ибо по своему отражают реальность. Ее наиболее существенный механизм составляет постоянно расширяющееся потребление в самых различных сферах, обеспечивающее хотя и унифицированный, но постоянно обновляемый и вариативный образ жизни.

Э. Фромм выделяет еще одну социальную функцию массовой культуры - направить массовые потребности, разбухшие научно-техническим прогрессом, на созидание, встроить их в механизм расширенного воспроизводства, что может быть достигнуто через потребление, в котором массовая культура становится товаром массового спроса.

Следующая функция массовой культуры состоит в мифологизации массового сознания. Воспитывая в человеке потребителя, лишая его самостоятельного, критического отношения к реальности, создавая культовые, чуть ли не оргиастические формы поклонения своим героям, массовая культура выступает в роли современной мифологии и тем самым выполняет эс-кейпистскую функцию.

Еще одна важная функция массовой культуры заключается в создании ею консюмеризма, или потребительской психологии. Массовая культура -это, на наш взгляд, прежде всего потребительская культура. Она воспитывает некритическое, пассивное сознание, неспособное к самостоятельному мышлению. Массовая культура уже в самой себе включает реакцию зрителя вместо того, чтобы требовать реакции от него самого. Психология потребления становится неотъемлемой чертой массовой культуры.

*Зарецкая В.Г., к.э.н., доцент
кафедры «Финансы и кредит»
Курского института менеджмента,
экономики и бизнеса*

Практика применения экспертные оценок в экономических исследованиях

Методы экспертных оценок – это комплекс логических математико-статистических методов и процедур, направленных на получение информации от специалистов. Использование методов экспертных оценок целесообразно тогда, когда задача не может быть решена никакими другими существующими методами или другие методы менее точны или трудоемки. Экспертные суждения, выраженные в количественной форме, называются экспертными оценками. Выявление индивидуальных экспертных суждений (экспертных оценок) составляет процедуру экспертного опроса, а совокупность процедур, необходимых для получения коллективных экспертных суждений, включая и экспертный опрос – экспертизой.

Экспертное исследование в экономике целесообразно проводить методом «Дельфи». Этот метод представляет ряд последовательно проводимых процедур. Для него характерны:

- 1.Анонимность индивидуальных опросов;
- 2.Регулируемая организаторами экспертизы обратная связь, осуществляемая за счет проведения нескольких туров;
- 3.Групповой ответ, получаемый с помощью статистических методов.

Удобнее всего применять модифицированный метод «Дельфи», при котором группы экспертов для первого и второго

тура не совсем идентичны. Это объясняется большими организационными сложностями при повторном сборе группы. Для проведения экспертизы создается рабочая группа организаторов и группа непосредственных экспертов. Экспертами–организаторами формулируется проблема, определяется цель экспертизы, процедура экспертизы, проводится опрос экспертов. Затем полученные оценки обрабатываются, что позволяет сформулировать вопросы для второго тура экспертного опроса.

Например, перед нами стоит задача выявить основные показатели для формирования интегральной оценки финансового состояния хозяйствующего субъекта. Такая задача является вполне актуальной, модели интегральных оценок рассматриваются и предлагаются многими исследователями. Открытым же обычно остается вопрос какие исходные показатели должны войти в интегральную оценку и, особенно, по каким критериям совершать их отбор.

Тогда задачей первого тура является цель выявить основные показатели, важные с точки зрения экспертов для оценки финансового состояния. Каждому эксперту предлагается самостоятельно назвать таковые, причем можно задать ограничение количества таких показателей (например не больше 10), и можно не делать этого, поскольку дальнейшая обработка анкет даст возможность организаторам сделать это самостоятельно. Предположим в процессе первого тура экспертизы эксперты предложили для оценки финансового состояния хозяйствующего субъекта использовать 20 показателей. Принять такое количество факторов для второго тура опроса не рационально.

Точность и надежность процедуры экспертизы в значительной степени зависит от количества факторов, включенных в опрос. Чем меньше факторов, тем выше их различимость с точки зрения экспертов и наоборот, процедура оценки или ранжирования становится трудоемкой и недостаточно объективной при большом количестве трудноотличимых с точки зрения эксперта факторов. Значит из всего числа показателей, предложенных экспертами целесообразно выделить 10- 12 и включить их в анкету второго тура. Выделение этих показателей может идти по принципу частотности, то есть, выделяем те, которые имеют максимальную частоту упоминания в анкетах первого тура.

Во втором туре экспертам предлагаются 10 – 12 наиболее часто употребляемых показателей с помощью которых традиционно

оценивают различные аспекты финансового состояния предприятия. Это могут быть:

1. Фактическая стоимость имущества.
2. Рентабельность активов.
3. Рентабельность собственного капитала
4. Коэффициент текущей ликвидности.
5. Коэффициент обеспеченности собственными оборотными средствами.
6. Оборачиваемость оборотных средств (или период оборота).
7. И т.д.

Экспертам предлагается проранжировать, или оценить важность каждого фактора. Причем наиболее важные поставить, на первое место, затем менее важные на второе и т.д. Допускается присваивать нескольким факторам одну и ту же оценку.

Результаты опроса сводятся в таблицу. Поскольку мы получаем матрицу со связанными рангами (несколько показателей или признаков имеют одинаковые оценки), ее следует переформировать. Например, из пяти факторов два эксперт поставил на первое место, и три на второе. Тогда двум первым факторам присваиваем ранг полтора, а трем следующим, делящим между собой третье, четвертое и пятое место, присваиваем ранг три. Если следующую оценку получили еще два фактора, то они соответственно делят шестое и седьмое места и имеют ранг 6.5. Таблица для представления результатов опроса может иметь следующий вид.

Таблица 1

Результаты опроса экспертов

Показатель	Порядковый номер эксперта										Сумма
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	
1. Фактическая стоимость имущества	1	2	2	2	1	1	1	1	1	1	13
2. Рентабельность активов	2	2	2	1	2	2	2	8	3	2	26
3. и т.д.
10.	2	3	2	2	9	4	5	9	5	6	47

После преформирования рангов и расчета вспомогательных величин данная матрица примет вид табл. 2

Таблица 2

Преформированная матрица рангов по результатам экспертного опроса

Фактор	Эксперт										Сумма рангов	Δ	Δ^2
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10			
x1	1	4	3,5	5,5	1	1	1	1	1	1	20	-35	1225
x2	2	4	3,5	2	2	2,5	2	9	4	2	33	-22	484
x3 и т.д.
x10	10	10	10	10	10	8,5	7	2,5	2,5	10	80,5	25,5	650,25
Сумма	55	55	55	55	55	55	55	55	55	55	550		3736,5
t	6	7	8	7	0	6	0	2	4	4			
$t^3 - t$	210	336	504	336	0	210	0	6	60	60	1722		
T_i	17,5	28	42	28	0	17,5	0	0,5	5	5	143,5		

В преобразованной сводной матрице рангов подсчитывается сумма каждой строки и затем сумма строк. Она должна совпадать с суммой по столбцам, то есть

$$\sum_{j=1}^n \sum_{i=1}^m x_{ij} = \sum_{i=1}^m \sum_{j=1}^n x_{ij}$$

В дополнительной графе рассчитывается величина Δ , которая представляет собой отклонение каждого показателя от средней оценки. Например, первый фактор набрал 20 баллов, средняя оценка одного балла 55, $\Delta = -35$. Величина t – это количество связанных рангов в оценке каждого эксперта.

Для наглядности полученных результатов можно построить гистограмму распределения сумм рангов значимости изучаемых факторов. Предположим, каждый из факторов набрал определенное количество баллов (сумма мест по всем экспертам). Сумма баллов по каждому фактору в нашем условном примере представлена в таблице 3. Чем меньшее количество баллов набрал фактор, тем значимее с точки зрения экспертов он является.

Таблица 3

Расположение факторов по значимости

Факторы	X ₄	X ₅	X ₁₀	X ₆	X ₉	X ₇	X ₃	X ₈	X ₂	X ₁
Сумма рангов	25	25	33	35	42	56,5	77,5	78,5	79	98,5

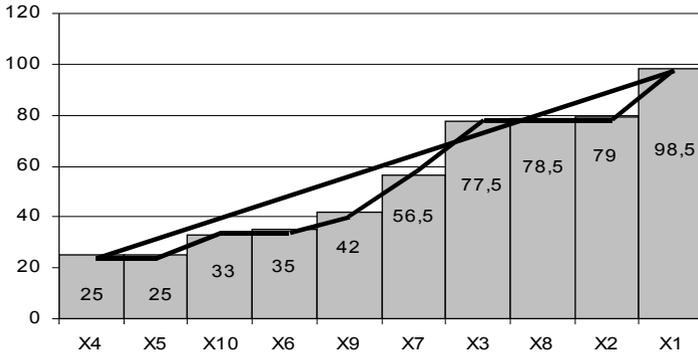

Рис. 1. Гистограмма распределения сумм рангов, второй тур опроса

Полученные оценки факторов можно считать достаточно надежными только при условии хорошей согласованности экспертов, для чего производится обобщение мнений (оценка средней степени согласованности), путем исчисления коэффициента конкордации [1, с.334]. Данный коэффициент исчисляется по формуле:

$$W = \frac{12S}{m^2(n^3 - n)},$$

$$\text{где } S = \sum_{j=1}^n \left(\sum_{i=1}^m x_{ij} - \frac{\sum_{j=1}^n \sum_{i=1}^m x_{ij}}{n} \right)^2.$$

Значение коэффициента конкордации лежит в пределах:
 $0 \leq W \leq 1$.

Когда мнение специалистов полностью совпадает, то $W=1$, при полном несовпадении мнений он равен 0.

Поскольку в матрице имеются связанные ранги, W исчисляются по формуле [1, с.335]:

$$W = \frac{S}{\frac{1}{12} m^2 (n^3 - n) - m \sum_{i=1}^m T_i},$$

$$\text{где } T_i = \frac{1}{12} \sum_{j=1}^n (t^3 - t).$$

Величина T_i определяется для каждой графы, где имеются связанные ранги, а затем подсчитывается сумма T_i .

Чтобы наглядно представить среднюю степень согласованности мнений экспертов, строится полигон распределения сумм рангов, для чего на рис. 1 соединяются ломаной линией середины верхних сторон прямоугольника. Предположим, что по результатам вычисления $W = 0.7173$, что свидетельствует о высокой степени согласованности мнений экспертов. Об этом же свидетельствует рис. 1, поскольку ломаная, соединяющая середины столбцов каждого фактора достаточно близка к прямой, соединяющей середины крайних столбцов.

Чтобы убедиться, что полученный коэффициент конкордации, характеризующий среднюю степень согласованности мнений экспертов, является величиной неслучайной и мы можем доверять полученным результатам, проверим его значимость. Необходимость такой оценки вытекает из того, что мы пользуемся выборочными данными (привлекаются не все специалисты, а группа специалистов, а поэтому полученный результат может быть случайным). Для оценки значимости коэффициента конкордации воспользуемся критерием согласованности χ^2 (критерий Пирсона).

χ^2 при наличии связанных рангов вычисляется по формуле [1, с.336]:

$$\chi^2 = \frac{S}{\frac{1}{12} mn(n-1) - \frac{1}{n-1} \sum_{i=1}^m T_i}.$$

Вычисленное значение χ^2 сравнивают с табличным значением χ^2 для соответствующего числа степеней свободы $k = n - 1$ при заданном уровне значимости α (для экономических расчетов $\alpha = 0,05$) [1, с.530]. В нашем случае $\chi^2 = 35.86 > 11.97$, что дает возможность признать результаты опроса достоверными.

Таким образом, вышеперечисленные факторы, после их проверки на мультиколлениарность можно рекомендовать для включения в модель построения интегрального показателя для анализа финансового состояния хозяйствующего субъекта.

Периодически подобные экспертные вопросы следует повторять и по их результатам корректировать модель интегрального показателя в соответствии с существующими экономическими реалиями.

Список литературы

1. Теория статистики: Учебник / Под ред. Р.А. Шмойловой. - 2-е изд., доп. и перераб. - М.: Финансы и статистика, 1998. - 576 с.: ил.

*Кликунова Е.В., к.п.н., доцент
Курского института менеджмента,
экономики и бизнеса
Часовких Г.А., доцент
Курского государственного университета*

К вопросу о воспитании и образовании молодежи в современной России (по идеям Н.К. Рериха)

Закончился XX век, отмеченный множеством событий, повергнувших наше общество к иному состоянию. На рубеже веков человечество претерпевает изменения и ищет ответы на вечные вопросы бытия, выбирая себе путь, по которому идти дальше.

Начало прошлого тысячелетия ознаменовано появлением человека, к идеям которого обращались и продолжают обращаться люди в поисках истины. Н.К. Рерих прошел сложный жизненный путь для того, чтобы ответить на многие вопросы всегда волновавшие людей. Главная цель жизни Н.К. Рериха - создание и пропаганда красоты.

Анализируя избранный Россией путь экономического разви-

тия, первые результаты строительства нового общества, часто обнаруживаем тревожные симптомы больного общества. Видим утрату среди молодежи приоритетов общечеловеческих ценностей, поверхностность знаний, бездуховность. Правильно ли поступили отменив пионерские и комсомольские организации, что предложено взамен им?

Взаимоотношение культуры и общества в различные периоды различно. Несомненна лишь одна истина, что чем выше культура, тем духовно богаче, нравственнее общество. Н.К. Рерих свято верил в преобразующую силу красоты (искусства), в возможность усовершенствования мира этой силой через образование общества. Он верил в особую роль России. Позже Н.А. Бердяев описал особенности России и русского человека. Противоречивость и сложность русской души может быть связана с тем, что в России сталкиваются и приходят во взаимодействие два потока мировой цивилизации – Восток и Запад. Россия целая часть света, огромный Восток-Запад, она соединяет два мира, и всегда в русской душе единятся два начала: восточное и западное. Есть соответствие между необъятностью, безграничностью русской земли и русской души, между географией физической и географией духовной. В душе русского народа есть такая же необъятность, безграничность, устремленность, как и в русской земле.

Современная Россия находится в стадии перемен, снова привычный мир разрушен, снова русская душа в поисках истины

Особое значение Н.К. Рерих уделял проблеме культуры, так как именно она дает возможность понять и оценить нацию. Известны статьи Н. К. Рериха: «Культура - почитание света», «Культура - сотрудничество». «Дума о культуре есть врата в будущее» - писал Н.К. Рерих. Путь к культуре для каждого человека лежит через образование и от того, какое оно в настоящем зависит будущее страны. Философ определяет образование как «путь к будущему». Образование формирует личность в отдельности и общество в целом. Н.К. Рерих убеждает нас в особенном назначении России как источника духовности на планете, миссии нашей страны в появлении общества нового качества.

Гениальны и удивительно современны многие идеи и начинания Н.К. Рериха, в частности, идея о сохранении старины. «Пора вербовать молодые силы в кружки ревнителей старины пока, наконец, этот порыв не перейдет в национальное творческое движение,

которым так сильна всегда культурная страна» - призывал он.

В нашем древнем городе Курске сохранились памятники архитектуры ряда исторических периодов, свидетели истории города.

Часто приходится убеждаться в том, что молодежь не знает памятников старины. К примеру, где находится древнейший в нашем городе памятник архитектуры - церковь Нижней Троицы, построенная во времена царствования Бориса Годунова или палаты воевод Ромадановых, в подвалах которых содержались под стражей, взятые в плен, Степан Разин и его брат Фрол; церковь святой Варвары, построенная гусарами во времена правления царицы Екатерины и т.д.

Куряне часто не знают и не берегут памятники истории и культуры нашего края. Например, в льговском районе что местные жители растащили по кирпичику на хозяйственные нужды стену и добрались до самой башни Шамиля плененного князем Бяргинским, который по решению царя проживал с семьей на курской земле.

Современная застройка города ведется без учета исторических мест и зон отдыха горожан. Это еще один пример отсутствия культуристорического видения, отсутствие заботы о потомках, утраты культурных корней. В самом центре города на территории сквера, расположенного возле областной филармонии выстроили торговый павильон. На площади возле центрального рынка – торговый центр, закрывший сквер и памятник погибшим в Афганистане землякам. Список таких примеров продолжается.

Несмотря на то, что прошел век, идеи художника, философа, реформатора Н.К. Рериха остаются актуальными. И раскрываются перед нами с большей значимостью, чем прежде, его мысли устремлены далеко вперед.

Для нас актуальной задачей является воспитание культурных граждан, патриотов своей родины.

*Кликунов Н.Д., к.э.н., профессор
Курского института менеджмента,
экономики и бизнеса*
*Иноземцева Л.Н., к.э.н., профессор
Курского института менеджмента,
экономики и бизнеса*
*Огорокова Г.П., к.э.н., доцент
Курского института менеджмента,
экономики и бизнеса*

Рыночные отношения в системе высшего образования РФ: от территориального монополизма к монополистической конкуренции

Система высшего образования РФ в 90-ые годы двадцатого века претерпела существенную трансформацию. Активно начал развиваться сектор негосударственного высшего образования, в государственном секторе высшего образования получила развитие внебюджетная деятельность. Существенно сократилась роль государства в финансировании деятельности системы высшего образования, значительную долю в финансировании деятельности вузов стали составлять средства непосредственных потребителей образовательных услуг – студентов, родителей студентов, работодателей¹. В финансировании высшего образования стали играть определенную роль органы государственного управления на уровне субъектов федерации и средства органов местного самоуправления. Диверсификация финансовых источников усилила конкуренцию среди государственных и негосударственных вузов за привлечение этих средств. Если средства из федерального бюджета продолжают, в основном, поступать в сектор государственного высшего образования, то за иные финансовые источники в системе высшего образования наблюдается реальная конкуренция.

¹ Так, по данным Я. Кузьминова, ректора Высшей школы экономики, в бюджете типичного государственного вуза государственное финансирование составляет менее 50 %, в секторе негосударственного высшего образования финансовые поступления от государства ничтожны. [www.hse.ru]

В целом развитие рыночных отношений в системе высшего образования в 90-х годах двадцатого века и начале двадцать первого века можно охарактеризовать как переход от территориальной монополии через олигополию к монополистической конкуренции.

В начале 90-х годов двадцатого века, до принятия Федерально-го Закона «Об образовании» государственные вузы имели монополию на осуществление деятельности в области высшего образования. В большинстве регионов Российской Федерации существовало от 3 до 5 вузов ², за исключением Москвы, Санкт-Петербурга, Нижнего Новгорода ³ и некоторых других крупных городов, которые имели территориальную монополию. Неравномерность в распределении вузов была и на уровне экономических районов. Так треть всех государственных вузов (183 из 580 вузов) в 1998 году приходилось на Центральный и Северо-Западный экономические районы. В Северо-Кавказском, Уральском, Западно-Сибирском и Поволжском регионах – от 53 до 61 вуза. Наименьшее количество вузов на территории Северного района (15 вузов), Волго-Вятского района (22 вуза) и Центрально-Черноземного района (26 вузов) [Кинелев, с. 193-194].

Существовала система, когда определенную специальность можно было получить только в определенном вузе, пересечения специальностей по номенклатуре не существовало. Данная система была вполне оправдана для социалистической системы с жестким разграничением компетенции вузов в подготовке специалистов и наличием государственного заказа. В социалистической экономической системе механизмы конкуренции находились в латентном состоянии, и отсутствие конкуренции проецировалось на систему высшего образования.

Престижность той или иной специальности определяла конкурс в вузы, так, традиционно, в медицинские институты конкурс был (и остается) выше, чем в педагогические вузы, так как в сознании потребителя специальность врача позиционировалась как бо-

² Так в Курской и Астраханской областях в 1992 году до принятия ФЗ «Об образовании» было по 4 вуза, в Костромской области – 3, в Республика Саха – 2, в Оренбургской области – 5 вузов. Данное региональное распределение было характерно для большинства субъектов РФ [Новая Россия, с.333]

³ Так в Москве в тот же период времени было 82 вуза, в городе Санкт-Петербурге 41 вуз, в Нижнем Новгороде 11 вузов. В среднем на 89 субъектов в 1992 году было 535 вузов. Если вычесть Москву и Санкт-Петербург, то на один субъект приходилось около 4,7 вузов. [RUS-SIA. Education in, p. 18] Следует констатировать, что распределение вузов по регионам было достаточно неравномерным и не всегда коррелировало с количеством населения в регионе и со спросом населения на услуги высшего образования.

лее престижная и высокооплачиваемая по сравнению со специальностью педагога. По сути, данная система была некоей аналогией с цеховой системой в средневековье, только вместо цеха выступало высшее учебное заведение, администрация которого и определяло профессиональную пригодность будущего специалиста. Кроме монополии на предоставление услуг высшего образования существовала монополия на рынке преподавательского труда. Преподаватель высшей школы, как правило, был «привязан» к своему высшему учебному заведению, так как издержки региональной миграции, то есть переезда в другой регион, где был бы вуз с аналогичной специальностью, были достаточно высокими. Более того, существовала система распределения преподавателей после окончания аспирантуры и получения научной степени. В крупных городах существовала олигополия, то есть рынок с малым количеством покупателей услуг преподавателей высшей школы.

Как и любая фирма, имеющая власть над рынком, государственная монополия и монополия на предоставление услуг высшего образования характеризовалась рядом положительных и отрицательных моментов.

К положительным характеристикам существовавшей системы следует отнести:

1. Жесткий отбор претендентов на получение высшего образования на входе в вуз, позволяющий еще на стадии приема выявить наиболее одаренных будущих специалистов.
2. Относительно низкая доля студентов в общем количестве лиц студенческого возраста, повышающая престижность высшего образования в среднесрочном и долгосрочном периоде времени.
3. Жесткий контроль за качеством преподавания со стороны администрации вузов. Так как альтернативы у преподавателей фактически не было, то администрация вуза могла диктовать свои условия преподавателям, у которых в свою очередь резко снижались возможности для оппортунистического поведения.
4. Жесткий контроль за качеством обучения студентов. Если студент плохо учился или не участвовал в общественной жизни вуза, то его всегда можно было выгнать, так как желающих на его место очень много.

Данная система контроля за качеством образования позволяла системе высшего образования выполнять, в том числе, и идеологические функции, так как в первую очередь при подготовке специалистов ценились не только профессиональные знания и навыки, но лояльность существующему строю.

Вместе с тем, монополия и монополия в системе высшего образования порождала и значительную экономическую неэффективность. К недостаткам монополии можно отнести следующие:

1. Высокие цены.
2. Ограниченность предложения.
3. Низкое качество предоставляемых услуг.

Так как формально высшее образование было бесплатным, то высокая цена получения высшего образования выражалась в категориях альтернативной стоимости. Так для того, чтобы поступить в вуз абитуриенту приходилось зачастую приходилось делать несколько попыток, то есть терялись годы, прежде чем субъект мог поступить в институт. Так же высокие цены отражались в завышенных издержках на репетиторство.

Ограниченность предложения породило неудовлетворенный спрос, который был удовлетворен в 90-ые годы, когда рост некоммерческих вузов и внебюджетных мест позволил большому количеству лиц получить, а во многих случаях и просто «купить» диплом вуза. Бум на заочное высшее образование был следствием данного отложенного спроса. Негосударственные вузы в некотором роде просто «снимали сливки», девальвируя тем самым престижность высшего образования, порожденную ограниченностью предложения, существовавшего при монополии государства на услуги высшего образования.

Низкое качество образовательных услуг, при общем строгом контроле над учебным процессом, выражалось в том, что государственные вузы не следовали за запросами потребителей. Специалист советской высшей школы знал очень многое, но зачастую именно профессиональных знаний, за редким исключением, у него оказывалось недостаточно. К сожалению, данная тенденция неучета мнения потребителя сохраняется и в настоящее время. До тех пор пока вуз не учитывает мнение потребителей ⁴ может возникнуть дисбаланс между теми знаниями, которые востребованы социально-экономической системой, и тем, чему обучают в вузе.

Однако разрушение территориального монополизма государ-

⁴ Под потребителями понимаются как сами студенты, так и их работодатели.

ственных вузов не являлось однозначным Парето-улучшением, из-за серьезнейшей проблемы информационной асимметрии, которая так же является видом рыночной несостоятельности. Вместо одной проблемы – проблемы монополии, общество получило другую – высшее образование перестает быть сигналом работодателю и обществу о профессиональной пригодности работника.

Наибольшее развитие эта проблема получила в настоящее время. Первая половина 90-х годов двадцатого века сопровождалась настоящим бумом предложения специальностей в области экономики, права и управления.

И государственные, и негосударственные вузы стали готовить специалистов в данном направлении, и в настоящее время можно констатировать ликвидацию территориального вузовского монополизма в этом направлении. Однако, при увеличении числа специальностей и численности студентов на популярных специальностях, в системе не происходило изменения качественных изменений. Все вузы готовили и продолжали готовить специалистов по одинаковым технологиям, оставшимся еще с советских времен. Наблюдается картина, когда один и тот же преподаватель работал во всех вузах и филиалах московских вузов того или иного города (особенно в провинциальных городах), позиционирование специальности не происходило. Олигополисты поставляют на рынок идентичную продукцию, в общем, в 90-х годов качественные характеристики специалистов на выходе из вузов были идентичными. В сознании потребителя неизбежно возникал вопрос – если все учат одинаково, то куда идти учиться? В данном случае возникали случаи некорректной конкуренции – противопоставление государственного статуса (как хорошего) статусу негосударственному (как плохому) – но ключевую роль стала играть ценовая политика. Конечно, в области подготовки инженеров, врачей, преподавателей и других специалистов, наиболее популярных при социализме продолжает существовать территориальная монополия, но и здесь наблюдается некоторое движение в сторону конкуренции. Например, в городе Курске число вузов, готовящих специалистов в различных направлениях следующее. (Таблица 1.)

Данные таблицы свидетельствуют о наличии олигополии в региональной системе высшего образования⁵.

Анализ системы высшего образования в России показывает, что на уровне большинства регионов доминировала модель Бер-

⁵ Олигополия (oligopoly) – рынок с малым количеством продавцов.

трана, но с переходом политики Министерства образования к четкому контролю за нормативами численности студентов в вузах олигополистический рынок высшего образования стал смешанным – в нем присутствовали элементы, как модели Бертрана, так и модели Курно.

Во второй половине 90-х годов, устав от ценовой конкуренции, приводившей в конечном счете к снижению качества образования в стране начала складываться система монополистической конкуренции.

Таблица 1.

Количество вузов и филиалов, готовивших специалистов в области права, экономики и управления в городе Курске в 2002 году ⁶.

Название специальности	Число вузов и филиалов, имеющих соответствующие специальности
Мировая экономика	4
Бухгалтерский учет, анализ и аудит	7
Государственное и муниципальное управление	4
Юриспруденция	12
Менеджмент организации	11
Финансы и кредит	9

В сознании потребителя постепенно позиционируется мысль о том, что высшее образование может быть разным. Происходит реальная дифференциация такого экономического блага, как высшее образование. Потребитель начинает реагировать не на диплом о высшем образовании вообще, а на диплом конкретного вуза. Усиливается борьба вузов за позиционирование в сознании потребителей.

Экономическая теория предсказывает, что монополистическая конкуренция не является идеальным рыночным механизмом с точки зрения экономической эффективности. Потери в экономической эффективности происходят по причине того, что фирмы на рынке монополистической конкуренции обладают определенной монопольной вла-

⁶ Выборка произведена по Справочнику учебных заведений г. Курска и Курской области. Комитет по делам молодежи и туризму Курской области. – Курск. 2002. – 23 с.

стью. Однако выигрыш потребителей заключается в том, что при монополистической конкуренции:

- 1) наличествует диверсификация благ;
- 2) решается проблема информационной асимметрии.

Вузы, находящиеся в ситуации монополистической конкуренции, сталкиваются с отрицательно наклоненной кривой спроса на услуги высшего образования. На эластичность кривой спроса отдельно у отдельно вуза будут влиять следующие факторы:

1. Организационно-правовой статус вуза. Анализ, проведенный авторами исследования показал ⁷, что государственные вузы при наборе на внебюджетные отделения сталкиваются с более неэластичной кривой спроса по сравнению с негосударственными вузами.

2. Наличие товаров-заменителей. Так по специальностям, имеющимся во многих вузах, значение эластичности более высокое, по сравнению со специальностями на которые у вуза существует территориальная монополия. Так эластичность спроса по цене в Курском институте менеджмента, экономики и бизнеса по специальности «Управление и связи с общественностью» составляет – 0,8, в то время как по специальности «Государственное и муниципальное управление» - 2,1. Следует отметить, что специалистов в области связей с общественностью готовит только данный вуз в Курской области, в то время как менеджеров в области государственного и муниципального управления готовят многие вузы Курской области.

3. Региональный аспект. Эластичность спроса по цене отличается от региона к региону. Так в регионах с высокими показателями валового регионального продукта на душу населения эластичность спроса ниже, по сравнению с менее обеспеченными регионами. Косвенным показателем данного обстоятельства является рост филиальной сети – в наиболее обеспеченных регионах он является более высоким. Примером является Западно-сибирский регион, где число филиалов самое высокое.

4. Фактор времени. Высшее образование – товар длительного пользования. Поэтому в отличие от товаров текущего потребления спрос на высшее образование менее эластичен в краткосрочном периоде времени по сравнению с долгосрочным периодом. При увеличении цен потребители сначала откладывают получение высшего образования, так что спрос в краткосрочном периоде может резко падать. Однако, в долгосрочном периоде времени спрос работо-

⁷ Данные и последующие выводы представлены на основе проведенного собеседования с деканами двух государственных и пяти негосударственных вузов города Курска.

дателей на высококвалифицированный персонал приводит к повышению спроса на услуги высшего образования.

Исследование, проведенное авторами в 2001-2003 годах, позволяет также утверждать, что эластичность спроса по цене для отдельного вуза значительно выше, чем для региональной системы высшего образования, рассматриваемой как единое целое. Так, опрос деканов негосударственных вузов города Курска позволяет сделать предположение, что эластичность спроса по цене на услуги высшего образования по экономическим, юридическим и управленческим специальностям колеблется в пределах от $-1,5$ до -4 ⁸. В то же время эластичность спроса по цене для всех вузов города Курска составила от $-0,3$ до $-0,8$. Эти данные свидетельствуют о нежелательности одностороннего резкого повышения цен на образовательные услуги отдельно взятым вузом, так как в результате отток студентов в другие высшие учебные заведения приведет, при прочих равных условиях, к снижению совокупных доходов вуза и отрицательно скажется на эффективности образовательного процесса.

Таким образом, можно констатировать, что во второй половине 90-х годов двадцатого века и начале двадцать первого века в системе высшего образования резко обостряется конкуренция как в государственном, так и в негосударственном секторах. Это приводит к возникновению и развитию рынка монополистической конкуренции.

Поэтому для повышения эффективности вуз любой организационно-правовой формы должен выбрать оптимальную стратегию поведения, заключающуюся в правильной ценовой политике, грамотному позиционированию на рынке образовательных услуг, специализации и эффективном внутривузовском менеджменте.

Список литературы:

1. Кинелев В.Г. Объективная необходимость. История, проблемы и перспективы реформирования высшего образования в России. - М.: Республика, 1995. - 328 с.

2. Пиндайк Р.С., Рубинфельд Д.Л. Микроэкономика: пер. с англ. – 2-е изд. – М.: Дело, 2001. – 808 с.

3. Новая Россия. (Информационно-статистический альманах) - М.: Междунар. академия информации, Вся Москва, 1994. - 735 с.

4. RUSSIA. Education in the Transition./ The World Bank ., November, 1995. - 65 p.

⁸ Расчеты проводились в реальных ценах, то есть с поправкой на инфляцию. Самое низкое значение эластичности оказалось для юридических специальностей.

*Кликунов Н.Д., к.э.н.,
проректор по научной работе
Курского института менеджмента,
экономики и бизнеса*

*Окороков В.М., к.э.н.
проректор по экономике и работе с филиалами
Курского института менеджмента,
экономики и бизнеса*

Отношения собственности в вузе: проблемы владения, пользования и распоряжения

Отношения собственности играют важную роль в современной социально-экономической системе. Они определяют права на «остаточный доход» [7], как результат деятельности предприятия, организации или учреждения.

Отношения собственности – это установленные законом правила, которые описывают, что люди или фирмы могут делать активами, имеющимися в их распоряжении. [5, с.733]. Собственность ключевой институт эффективного или неэффективного функционирования любой системы, и система высшего образования не является исключением из этого правила. В качестве отправного пункта анализа отношений собственности воспользуемся различием, введенным в одной из классических работ по проблемам прав собственности У.Меклинга и М.Дженсена [4]. Они различают, с одной стороны, экзогенную институциональную среду, задающую внешние «правила игры», и, с другой стороны, эндогенную конфигурацию прав собственности и контроля, определяющую внутреннюю «конституцию» каждой фирмы, частный «свод законов», по которому она живет. Если общий правовой режим в известном смысле «задан» индивидуальным экономическим агентам, то внутриорганизационные структуры собственности и контроля избираются ими добровольно, в рамках коалиций, именуемых «фирмами». Функционирование всякой экономической системы, и системы

высшего образования в частности, определяется взаимодействием этих внешних и внутренних «правил игры».

Внешние «правила игры» в социально-экономической системе России в 90-х годах претерпели значительные изменения в сторону разгосударствления и приватизации, более 84 % промышленной продукции в 2000 году приходилось на частный сектор, 78 % занятых в экономике тоже приходилось на частный сектор [3, с. 25]. В системе высшего образования России внешние отношения собственности не претерпели значительных изменений и этому в значительной мере способствовал ФЗ «О сохранении статуса государственных и муниципальных образовательных учреждений и мораторий на их приватизацию», который запретил менять отношения собственности в системе образования. Решение о ликвидации или изменении статуса, предполагается проводить с учетом мнения трудового коллектива образовательного учреждения, что, по сути, закрепляет, имеющийся статус-кво: «Установить, что условия ликвидации, реорганизации и (или) изменения статуса государственного, муниципального образовательного учреждения, и (или) изменения состава его учредителей должны быть определены договором между учредителем и данным образовательным учреждением» [2, ст. 5]. Поэтому развитие негосударственного сектора высшего образования шло в России не по пути приватизации существующих государственных вузов, а через создание негосударственных вузов. Причем из существующих в настоящее время более чем 500 негосударственных вузов (по сравнению с 620 государственными) свыше половины было создано на базе вузов государственных [8]. Данные вузы являются, по сути, ответвлениями существующей системы государственного высшего образования.

Отличие вуза от фирмы, ориентированной на максимизацию прибыли, состоит в его некоммерческом характере. Как вуз, так и вся система высшего образования стремится к выполнению определенной общественно значимой миссии, характеризующейся, в конечном счете, максимизацией общественного благосостояния. Однако, как в любой некоммерческой организации возникает целый ряд рисков связанных с отношениями собственности, который не позволяют как вузу, так и системе в целом реализовать данную миссию.

Первый тип рисков, состоит в том, что некоммерческий характер деятельности вуза, да и системы в целом, может быть своеоб-

разными прикрытием с целью ухода от налогообложения или получения субсидий от государства.

Второй тип рисков также порождается отношениями собственности сложившимися в системе высшего образования России. На практике руководство вуза может преследовать вполне конкретную цель – максимизацию прибыли в краткосрочном периоде времени. Данный тип риска порождается более фундаментальной проблемой – проблемой «заказчик-исполнитель»⁹: интересы заказчика в лице Министерства образования, как представителя общественных интересов, могут не совпадать с интересами исполнителя – руководства вуза.

При делегировании учредителями права оперативного руководства посторонним лицам - управляющим, возникает уже упомянутая нами проблема «заказчик-исполнитель». Цели учредителя – владельца, и цели исполнителя – управляющего могут различаться. Управляющий, получающий лишь долю общего дохода фирмы может быть заинтересован:

1) максимизации личного дохода. Если контракт А принесет фирме 100 из которых управляющему достанется 1, а контракт Б принесет фирме 10, но управляющему достанется 3 при равенстве прочих условий, то при отсутствии системы мониторинга за действиями управляющего выбор может быть сделан в пользу контракта Б, несмотря на его очевидную меньшую эффективность.

2) максимизации собственной полезности, в том числе и свободного времени. Управляющий заинтересован в получении благ, характеризующих его высокий статус. Максимизация количества благ, которые Маслоу называет благами признания, увеличивает, при прочих равных условиях, издержки фирмы и снижает эффективность ее работы.

3) максимизация текущего дохода или текущей прибыли фирмы. Статус управляющего на рынке труда определяется, в том числе, и размером фирмы которой он руководит или руководил. Однако, часто максимизация текущего дохода или прибыли снижает современную настоящую стоимость бизнеса, что негативно сказывается на эффективности в средне- и долгосрочной перспективе.

⁹ Проблема «заказчик-исполнитель» (principal-agent problem) – проблема, возникающая, когда управляющие (исполнители) преследуют свои собственные цели, даже если это ведет к сокращению прибыли, собственника фирмы (заказчика)

В курсах микроэкономики второго уровня показывается, что для решения проблемы «заказчик-исполнитель» необходим четкий мониторинг за возможностью увиливания (shirking) управляющих [6, ch. 14]. На эффективность мониторинга влияют многие факторы, начиная от системы оплаты труда и заканчивая установкой стеклянных стен внутри офиса. Однако, для наших целей наиболее важной является мысль, что четкость отношений собственности является ключевой для эффективного функционирования высшей школы. Отсутствие четкого представления о том, кому принадлежит организация порождает неблагоприятные последствия - плохая спецификация прав собственности создает условия для возникновения «трагедии общедоступности». Недостаточная определенность прав собственности означает, что доступ к ценным ресурсам открыт одновременно множеству агентов, вступающих в конкуренцию за их использование. Это ведет к сверхэксплуатации ресурсов и подрывает стимулы к инвестированию в них. Однако сверхэксплуатация - всего лишь частный случай более общей тенденции экономических агентов к переводу ресурсов из ситуации неисключительного (общего) доступа в ситуацию индивидуального (исключительного) доступа. Для переходной экономики важнее другая ее форма, а именно перекачка активов и денежных потоков предприятий в карманы менеджеров, чиновников, новых коммерческих структур и т.д. [4].

К сожалению, следует констатировать, что в системе высшего образования РФ четких отношений собственности до сих пор не сложилось, что по нашему мнению порождает системный риск для существования самой системы. Анализ отношений собственности как в государственных, так и в негосударственных вузах не позволяет дать четкого ответа на вопрос: «Кому принадлежит вуз?»

Риски, порождаемые отношениями собственности в государственных вузах

С позиций экономической теории ключевая прерогатива учредителя заключается в праве на «остаточный доход», т.е. на прибыль. Именно это право мотивирует учредителя осуществлять мониторинг за эффективностью действий управляющего, за эффективностью функционирования фирмы. Учредитель заинтересован в наиболее выгодном использовании средств. Если учредителем является государственный орган власти и управления, в нашем случае Мини-

стерство образования (в случае с отраслевыми вузами Министерства сельского хозяйства, здравоохранения, культуры и прочие), то заинтересованность должна выражаться в суммарном общественном эффекте, выражаемом в достижении четко сформулированной миссии вуза с наименьшими издержками. Однако, сам характер отношений между учредителем и управляющим в секторе высшего образования, финансируемом государством не позволяет этого сделать.

В системе высшего образования ректор государственного вуза фактически неподотчетен учредителю. Его выбирает коллектив, причем система назначения выборщиков достаточно произвольна, а учредитель лишь одобряет сделанное решение. Одна из основных задач деятельности ректора – обеспечение эффективного функционирования государственного вуза. Достижение этой задачи лежит в организации четкого мониторинга за функциями выполняемыми работниками вуза. Но система провоцирует зависимость ректора от части этих работников, которые участвуют в его выборах. Возникает возможность для установления сложных, переплетающихся взаимоотношениях, порождающих целый ряд уступок, взаимных договоренностей и гарантий, приводящих, в конечном счете, к потере эффективности в работе вуза. Ключевым фактором карьерного роста сотрудника становится лояльность ректору на очередных выборах, а не его эффективность, выражаемая в профессиональной подготовке, умении читать лекции, качестве разработанных учебно-методических пособий и прочее. Возникает своеобразная система «круговой поруки», в которой не находится места конечному потребителю услуг системы высшего образования.

В отдельных случаях отсутствие постоянного мониторинга со стороны учредителя приводит к фактическому всевластию ректора. Он становится фигурой не подотчетной никому – ни Министерству, ни трудовому коллективу (так выборы бывают раз в 5 лет). Причем отличие управляющего от царя или барина в этом случае заключается в том, что он свои права на полномочное управление вузом не может ни продать, ни передать по наследству. Невозможность продажи или передачи прав собственности порождает ориентированность администрации вуза на краткосрочную перспективу в ущерб долгосрочным интересам. При отсутствии четкого мониторинга со стороны учредителя эффективность управления вузом в этом случае целиком определяется личностными качествами ректора. Однако, при прочих равных условиях, при отсутствии связи

финансирования вуза со стороны государства с четко обозначенными критериями эффективности у управляющего получается соблазн в максимизации как личного дохода и полезности, так и текущих краткосрочных доходов вуза. Проблема состоит еще и в том, что формально социально-экономическая ситуация изменилась, а руководство осталось прежним: «в переходных экономиках управленческий корпус состоит в основном из представителей старой гвардии, носителей устаревшего человеческого капитала, не имеющих ни знаний, ни навыков, необходимых для успешной деятельности в новых рыночных условиях» [4].

Наличие данных неблагоприятных тенденций может привести к снижению конкурентных преимуществ системы образования в целом. Одной из иллюстраций данного положения является система расходования внебюджетных средств государственными вузами. Внебюджетные средства стали для большинства государственных вузов важным источником финансирования. Внебюджетные средства составляют от 20 до 90% доходов государственного вуза. Внебюджетные средства могли бы стать для государственных вузов важным подспорьем для повышения заработной платы преподавателям, повышению их квалификации, что привело бы к сохранению педагогического состава и повышению конкурентоспособности вуза в среднесрочной и долгосрочной перспективе. Однако в большинстве вузов эти средства идут на увеличение физических активов (ремонт, приобретение автотранспорта, строительство и прочее). Люди являются ключевым фактором успеха любого дела, но управляющему зачастую нет дела до качества образования, а обновленный фасад здания вуза увеличивает статус управляющего в глазах общественности, да и соответствующего Министерства.

Очевидно, для решения этой проблемы необходимо пересмотреть характер отношений между учредителем и управляющим, в пользу усиления прав учредителя. Примером является французская система высшего образования, где ректор является государственным чиновником, напрямую зависящим от министерства. При отсутствии четких отношений собственности, эффективность работы системы высшего государственного образования может быть резко снижена. Права и обязанности каждой из сторон должны быть институционально закреплены.

Проблемы в отношениях собственности в негосударственных вузах.

Характер отношений собственности в негосударственных вузах определяется его учредителями. Негосударственные вузы в нашей стране стали создаваться с 1992 года, когда был принят закон «Об образовании» [1]. Особенностью этого закона было то, что лицензионные требования к созданию негосударственного вуза были занижены, они ограничивались лишь требованиями санитарно-гигиенических норм, и, соответственно, это спровоцировало быстрый рост негосударственного сектора высшего образования в нашей стране: «Предметом и содержанием экспертизы (при получении лицензии) является установление соответствия условий осуществления образовательного процесса, предлагаемых образовательным учреждением, государственным и местным требованиям в части строительных норм и правил; санитарных и гигиенических норм; охраны здоровья обучающихся, воспитанников и работников образовательных учреждений; оборудования учебных помещений; оснащенности учебного процесса; образовательного ценза педагогических работников и укомплектованности штатов. Содержание, организация и методики образовательного процесса предметом экспертизы не являются» [ФЗ «Об образовании» в ред. 1992 г., ст 33., пп.9,10] . Наблюдалась интересная закономерность законодатель как бы спровоцировал, даже искусственно, рост негосударственного сектора высшего образования, породив тем самым серьезные проблемы связанные с информационной асимметрией и эффективностью работы негосударственного сектора высшего образования в целом. Таким образом, бурный рост негосударственного сектора высшего образования в 90-х породил серьезную проблему «кому доверять?» через десять лет.

Если характеризовать негосударственные вузы по составу учредителей, то можно предложить следующую классификацию:

1. Негосударственные вузы, созданные как структурные подразделения вузов государственных. В данных вузах работают в основном преподаватели «материнского» государственного вуза, данные негосударственные вузы используют материально-техническую базу головных государственных вузов.
2. Негосударственные вузы, созданные физическими лицами или отдельным физическим лицом. По характеру миссии данные вузы можно классифицировать на два подраздела:

1) вузы созданные как средство эффективного вложения первоначально накопленного капитала и данные вузы правильно классифицировать как коммерческие предприятия;

2) вузы, созданные физическими лицами, на нашедшими своего места в системе государственной высшей школы из-за расхождения во взглядах на то, что представляет собой современная высшая школа. Различие в данных подразделах четко просматривается по наличию научной степени у руководства вуза, которое одновременно и является учредителями.

3. Вузы созданные или созданные на базе общественных организаций, таких как общество «Знание», Русская православная церковь, профсоюзные организации и прочие.

Отношения собственности в негосударственных вузах, созданных на базе вузов государственных, как правило, четко не устанавливаются. Перспективы выживания и развития данных вузов целиком и полностью определяются лицом или лицами, курирующим данный негосударственный вуз в вузе государственном. При смене данного лица или ослаблении его статусных позиций меняется и статус самого негосударственного вуза – руководству негосударственного вуза нужно уходить либо на «вольные хлеба», но ключевыми проблемами здесь являются материально-техническая база и штат преподавателей, либо закрывать вуз. Потребители понимают неустойчивое положение негосударственных вузов подобного типа и поэтому, в эти вузы идут, как правило, те, кто по каким-то причинам не смог поступить в головной государственный вуз, в том числе с надеждой на последующий перевод в головной государственный вуз на бюджетную основу. Фактором конкурентного преимущества негосударственного вуза первого типа может являться меньший объем иерархии, что может приводить к децентрализации принятия управленческих решений и улучшению менеджмента. Качественный менеджмент, большая гибкость, система оплаты труда, направленная на привлечение лучших преподавателей, может привести к качественному образованию и к росту статуса негосударственного вуза, что повышает его среднесрочные шансы на момент его неизбежного разрыва с головной материнской структурой. Необходимо отметить, что все проблемы в отношениях собственности не только ослабляются, но и обостряются при анализе негосударственного вуза.

сударственных вузов, созданных как дочерние организации вузов государственных.

Негосударственные вузы, созданные физическими лицами с целью максимизации прибыли, могут иметь две стратегии развития. Первая состоит в том, что негосударственный вуз может рассматривать как краткосрочный коммерческий проект. В этом случае необходимо продать дипломы всем, кто готов за них заплатить, и при падении спроса «на корочки», закрыть вуз. Высокая норма прибыли подобных проектов поддерживается за счет снижения затрат, процесс обучения как таковой может вообще отсутствовать. Желательность первой стратегии может провоцироваться неопределенностью государственной политики в отношении негосударственных вузов: «вся система прав собственности в переходной экономике остается чрезвычайно нестабильной. Хуже всего, что отсутствуют надежные гарантии от новых широкомасштабных переделов собственности (так, в российскую Государственную Думу регулярно вбрасываются разного рода национализаторские и конфискационные законопроекты). Данная стратегия порождает значительные негативные внешние эффекты уже в краткосрочном периоде и приводит к падению престижа как негосударственного сектора высшего образования, так и образовательной системы в целом, уменьшая уровень общественного благосостояния и порождая системные риски.

Вторая стратегия может быть направлена на максимизацию чистой современной стоимости проекта. В этом случае в среднесрочном периоде функции учредителя и управляющего будут разделены, а вуз будет тяготеть к сектору элитарного образования, зарабатывая устойчивую фактическую прибыль.

Негосударственные вузы, созданные и управляемые физическими лицами - энтузиастами, могут порождать системные риски в среднесрочном и долгосрочном периоде. Проблема гения заключается в том, что у него редко бывают последователи, достойные его уровня. Роль последователя «отца-основателя» негосударственного вуза может выполнить педагогический коллектив. Основные проблемы, возникающие в этом вузе, будут возникать в связи со сменой власти. Рано или поздно отца-основателя «придется уходить», и развитие негосударственного вуза данного типа будет определяться наличием достойного преемника. Возникает своеобразная лотерея, если приемник будет достойным – вуз будет про-

должать развиваться, если нет – то перспективы развития негосударственного вуза более пессимистичны. В секторе негосударственного высшего образования, как и в государственном, отсутствуют механизмы, обеспечивающие замену одного эффективного управляющего другим эффективным управляющим. Именно отсутствие подобного механизма и порождает системный риск – если нет возможности отбраковывать неэффективных менеджеров, то возникает серьезная проблема как «скрытых действий», так и «скрытых характеристик» [5, с.704-705], могущая в момент смены власти в вузе серьезно подорвать его позиции. Более того, в ситуации отсутствия разделения труда между владельцами и управляющими, проблема «неблагоприятного отбора» может даже обостриться. Профессионалу, работающему в высшей школе, зачастую не важны «подковерные игры» по поводу предстоящей смены руководства, источники его доходов лежат в преподавании, научной деятельности. Поэтому даже в негосударственном вузе могут появиться возможности для карьерного роста людей от высшего образования далеких, что приведет к трансформации негосударственного вуза из вуза, ориентированного на выполнение общественно значимой миссии, в вуз, ориентированный на максимизацию прибыли в краткосрочном периоде времени.

У негосударственных вузов, созданных общественными организациями, также возникают проблемы связанные с отношениями собственности. Характер отношений определяется тем, как руководители той или иной общественной организации рассматривают вуз: как способ вложения средств или как способ выкачивания средств. В первом случае перспективы развития негосударственного вуза оптимистичны. Вуз рассматривается как часть общей организации, преследующей выполнение определенной миссии, а риски могут возникать лишь в том, что миссия организации может противоречить целям общественного благосостояния. Например, русская православная церковь финансирует вуз по подготовке священников. И у руководства вуза и у руководителей православной церкви единые взгляды на миссию данного института, поэтому никаких рисков для системы не возникает.

Более серьезные проблемы могут возникнуть, если руководство общественной организации рассматривает вуз как средство зарабатывания денег. Последствия данного подхода будут ана-

логичны тем, что были рассмотрены при владении вуза физическим лицом, ориентированным на извлечение прибыли.

Анализ показывает, что неопределенность в отношениях собственности порождает серьезные риски как для сектора государственного, так и для сектора негосударственного образования. Для сглаживания существующих проблем нами предлагаются следующие институциональные изменения:

1. Установление четких юридических отношений между руководством государственными вузами и соответствующими Министерствами, выражающимися в прямом контроле со стороны Министерства за эффективностью работы вуза. Министерство должно иметь право напрямую назначать и снимать руководителя государственного вуза без учета мнения трудового коллектива.
2. Жесткий контроль за финансовой деятельностью как государственных, так негосударственных вузов, с целью уменьшения возможности использования деятельности в области высшего образования как прикрытия для коммерческой деятельности. Включение в аккредитационные показатели результаты независимой аудиторской проверки вузов в части использования внебюджетных средств.
3. Разрешение негосударственным вузам иметь коммерческий статус, для возможности реализации стратегии максимизации чистого современного дохода. Так, например, существование частных коммерческих медицинских клиник положительно сказывается на конкурентоспособности всей системы здравоохранения, приводя к снижению средних издержек: «средние издержки на одного пациента в день на 8 % выше в некоммерческих лечебницах, чем в коммерческих. Отсюда следует, что коммерческий статус больницы влияет на ее поведение в соответствии с теорией «заказчик-исполнитель»: не сталкиваясь с конкуренцией, некоммерческие лечебные учреждения в отличие от коммерческих могут ослабить внимание к издержкам и, следовательно-

но, в недостаточной мере служить исполнителями для своих заказчиков и общества в целом» [5, с.700]. Данное институциональное изменение позволит вузам, ориентированным на получение прибыли, позиционироваться на рынке образовательных услуг без возникновения ситуации информационной асимметрии, связанной с предоставлением информации потребителю. Однако, в отношении данных вузов должны существовать четкие правила ведения бухгалтерского учета, ежегодным опубликованием баланса, открытости в ведении бизнеса.

4. Для решения проблем, связанных со сменой руководства негосударственного вуза, предлагается организовать или усилить роль попечительских советов. Решение проблемы воплотилось в организации мониторинга в Гарвардском университете: лучшие выпускники вуза приглашаются в попечительский совет университета, который и определяет ключевые направления развития вуза. Попечительский совет является некоей аналогией собрания акционеров, перед которым ответственно руководство вуза и которое имеет право, в том числе, и на принятие кадровых решений. Выпускники заинтересованы в высоком статусе диплома Гарвардского университета, так как этот статус напрямую влияет на их доходы, поэтому качество управленческих решений будет выше, чем при отсутствии подобной системы ответственности. Особенно эффективно подобная система может действовать когда в качестве учредителя вуза выступает общественная организация. Лучшие выпускники вуза могут войти состав общественной организации, коллективные решения которой и будут определять политику вуза. Представляется, что вузы, созданные на базе организаций общества «Знание» могут эффективно воплотить данное предложение на практике.

Отношения собственности лежат в основе любой эффективно функционирующей системы, и система высшего образования не является исключением. Некоммерческий характер деятельности

высшего образования усиливает характер рисков, порождаемых отношениями собственности. Институциональные изменения, снижающие степень риска в системе, будут приводить к повышению эффективности ее функционирования, повышать ее конкурентоспособность и способствовать росту общественного благосостояния российского общества.

Список литературы:

1. Федеральный Закон «Об образовании». 13 января 1996 года. № 12-ФЗ. Консультант-плюс.
2. Федеральный Закон «О сохранении статуса государственных и муниципальных образовательных учреждений и мораторий на их приватизацию». 16 мая 1995 № 74-ФЗ. в ред. 27.02.2003 № 29-ФЗ. Консультант Плюс, Версия Проф.
3. Бабич А.М., Павлова Л.Н. Государственные и муниципальные финансы: Учебник для вузов. – 2-е изд. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2002. – 703 с.
4. Капельюшников Р. И. Экономическая теория прав собственности. (методология, основные понятия, круг проблем) - ГПСИ ИМЭМО АН СССР, М., 1990. - 90 с.
5. Пиндайк Р.С., Рубинфельд Д.Л. Микроэкономика: пер. с англ. – 2-е изд. – М.: Дело, 2001. – 808 с.
6. Katz Michael L., Rosen Harvey S. Microeconomics. - Richard D. IRWIN, INC., 1991. - 731 p.
7. Alchian A., Klein B., Crawford R. Vertical integration, appropriable rents, and the competitive contracting process // JSTOR (электронный вариант статьи предоставлен Слуцким А.Г. по сети Интернет)
8. Suspitsin D. Russian Private Higher Education: Alliances with State-Run Organization.//http://www.bc.edu/bc_org/avp/soe/ihe/newsletter/News33/text008.htm).

*Кравченко Р.А., к.соц.н., доцент
кафедры государственного
и муниципального управления
Курского института менеджмента,
экономики и бизнеса*

Анализ динамики демографических и миграционных процессов населения Курской области

В работе рассмотрены особенности движения населения Курской области в постсоветский период. При проведении исследований использовались общепринятые в демографической науке показатели: абсолютные и относительные (коэффициенты). Чаще всего анализировались годовые временные интервалы, или рассматривались среднегодовые значения за несколько лет. При подготовке работы были использованы данные Курского областного комитета государственной статистики.

Рассматривая естественное движение населения Курской области прежде всего обращает на себя внимание динамика коэффициентов рождаемости и смертности. С 1990 года наблюдались следующие изменения: в 1990 году смертность уже превышала рождаемость и была на уровне 14 человек на 1 тысячу населения, тогда как для рождаемости этот показатель был равен 12. В последующие годы наблюдается неуклонное снижение рождаемости, и она выходит на уровень 8 человек на тысячу населения, в то же время смертность поднимается до отметки 18. Происходит депопуляция населения Курской области.

Хорошо видна эта закономерность при рассмотрении коэффициентов естественного прироста. Показатель -2 (отрицательные значения характеризуют превышение смертности над рождаемостью), который отмечался в 1990 году снизился к концу 90-х и 2000 году до -10.

Прослеживаются различия в коэффициенте естественного прироста для городского и сельского населения Курской области. Динамика сходна - усиление депопуляции за последние десять лет. Но городское население несет не такие значительные потери, как сельское. До 1991 года области характеризовались приростом насе-

ления, в настоящее время коэффициент имеет отрицательные значения -5. В селах падение показателя до -18. Из сел выезжает население трудоспособного, репродуктивного возраста. Снижается рождаемость.

Анализ естественного прироста населения Курской области показывают, что наиболее резкое падение численности населения стало происходить в 90-е годы. Это согласуется с показателями общероссийской демографической ситуации. Однако если в целом по России естественные потери населения стали происходить с 1991 года, то на территории Курской области это произошло гораздо раньше.

Анализ возрастной структуры населения Курской области дает возможности выявить следующие закономерности. В обществе крайне незначительная численность возрастной группы до 4 лет, чуть больше, но также немного от 5 до 9 лет. Обращает на себя внимание тот факт, что первой возрастной группы даже меньше, чем людей родившихся во время войны. Поколение 90-х очень малочисленно. Обращает на себя внимание многочисленность поколения родившегося в 50-х и 80-х годах. Эти особенности весьма важны для прогнозирования демографической ситуации. Так например, в ближайшие 3-5 лет в составе трудоспособного населения произойдут изменения в сторону увеличения лиц трудоспособного возраста. Рождаемые в 80-е годы станут занимать эту нишу, из нее выбывают люди малочисленного военного поколения. Но затем через 10-15 лет прогноз крайне неутешительный, реально ожидать резкого падения количества лиц трудоспособного возраста. Малочисленное поколение родившееся в 90-х годах достигнет трудоспособного возраста, а многочисленное 50-х годов выйдет в более старшую возрастную группу.

Курская область последние десятилетия в структуре внутрироссийской миграции являлась регионом характеризующимся традиционным оттоком населения в другие районы. Рассматривая динамику последних десяти лет можно выявить некоторые закономерности.

Межрегиональная миграция рассмотренная как среднегодовая за 3 года (1998-2000 гг.) характеризуется устойчивым отрицательным сальдо населения Курской области по Российской Федерации. Ежегодно выезжает в другие регионы 1639 человек. На каждые 100 прибывших выбывает 124 человека.

Анализ миграции по федеральным округам Российской Федерации показывает, что наибольший обмен населения отмечается для областей центрального федерального округа. Происходит отток населения из Курской области. Ежегодно выезжает 2445 человек. Именно за счет большого выезда в центр Европейской части страны, Курская область имеет отрицательное сальдо во внутрироссийской миграции.

Наибольший миграционный оборот населения Курской области характерен для сопредельных Белгородской и Орловской областей. Также по этому показателю выделяются г. Москва, Московская и Воронежская области.

Наибольший отток происходит в Белгородскую область: 971 человек ежегодно. Значительные показатели отрицательного сальдо миграции характерны для Москвы (597) и Московской области (328), следом за ними идут Воронежская (285) и Орловская (143) области. Это наиболее предпочтительные регионы для миграции жителей Курской области. Межрегиональные миграции обусловлены в основном социально-экономическими причинами.

Рассмотрение показателя эффективности миграции обнаруживает следующие особенности. Куряне больше всего стремятся закрепиться в г. Москве. На 376 прибывших в г. Москву в Курскую область приезжает 100 человек. Также приживаемость курян высока в Московской, Белгородской и Воронежской областях. А вот Орловская область при высоком миграционном обороте и сальдо миграции в свою пользу, имеет средние показатели по приживаемости курян.

Международная миграция населения Курской области определялась прежде всего потоком переселенцев из стран СНГ и Балтии.

Рассматривая динамику международной миграции обращает на себя внимание большой миграционный оборот и высокие показатели положительного сальдо середины и начала 90-х годов. Пик миграционного прироста 1994 года совпадает с общероссийской тенденцией. Хотя для Курской области отмечался еще один пик - это 1992 год. Начиная с 1995 г. миграционный прирост уменьшается, падая ниже отметки 10 тыс. человек в год. Происходит неуклонное уменьшение миграционного прироста. Снижение положительного сальдо миграции к 2000 году объясняется в значительной мере уменьшением потока мигрантов из стран - бывших республик

СССР. Большая часть мигрантов желающих и имеющих возможность переселиться в Курскую область сделала это в 90-х годах.

Обращает на себя внимание приживаемость переселенцев. Наиболее эффективна миграция проходила в период 1992-1995 гг. находясь на уровне 25 - 26 выбывших на 100 прибывших человек. Затем приживаемость переселенцев снижалась. Лишь 2000 г. отмечился достижением уровня эффективности миграции около 25 человек. Однако влияние международных переселенцев уже стало невелико, из-за значительного снижения прироста. Общая тенденция всего рассматриваемого периода - это приток международных мигрантов в Курскую область.

Анализируя среднегодовые значения международной миграции по отдельным странам, за период 1991-2000 гг. можно отметить следующее. Со всеми странами СНГ и Балтии Курская область имеет положительное сальдо миграции. Наибольшая миграционная подвижность отмечается с Украиной. Также из всех стран наибольший прирост населения в Курскую область происходит за счет мигрантов с Украины. Сказывается влияние соседского положения. Среднегодовой прирост в абсолютных величинах составил 2032 чел. На втором месте располагается Казахстан - со среднегодовым положительным сальдо 852 человека. Для других республик Средней Азии и Закавказья характерно преобладание прибывших в область над выбывшими в размере около 200-300 чел. из каждой страны. Для связей Курской области со странами Балтии характерна низкая миграционная подвижность с небольшим положительным сальдо. Для Белоруссии характерна средняя миграционная подвижность с небольшим притоком в Курскую область. Наблюдается небольшой прирост населения за счет стран дальнего зарубежья.

Сравнение соотношения международной миграции в Курскую область с общероссийскими показателями обнаруживает следующее.

Если в приросте населения за счет мигрантов из стран СНГ и Балтии в целом по России первое место занимает Казахстан, затем следуют Узбекистан и Украина. То основная доля переселенцев в Курскую область приходится на соседнюю Украину - 38,9 % от всех мигрантов.

Начиная с 90-х годов и по настоящее время Курская область обладает положительным сальдо миграции. Однако общая динамика миграции достаточна неоднородна. В балансе миграции две

основные составляющие - межрегиональная и международная миграция. Первая половина и середина 90-х годов отмечена высокими показателями положительного сальдо миграции. Общей закономерностью рассматриваемого периода является приток в Курскую область международных мигрантов и отток населения за счет межрегиональной миграции. Значительное снижение миграционного прироста к концу 90-х - началу 2000 гг. обусловлено именно изменениями в динамике международной миграции.

В Курской области происходит депопуляция населения. Необходима разработка программы региональной демографической политики, направленной на социально-экономическую поддержку семей. Основные задачи миграционной политики, это уменьшение оттока курян в другие регионы и привлечение в область переселенцев.

*Кузнецов Д.П., к.филос.н., доцент
кафедры философии
и социальных дисциплин
Курского института менеджмента,
экономики и бизнеса*

Особенности философской рефлексии над проблемами социального финализма

Тема «конца истории» на протяжении длительного времени остается в рамках европейского сознания. Что особенно примечательно, данная тема смогла инкорпорироваться в самые разные мировоззренческие структуры: мифологию, теологию, философию, а также в различные сферы человеческой деятельности от политики до искусства. Устойчивость концепций «конца истории» в европейском сознании, причем как на уровне теоретическом (теология, философия) так и на уровне обыденного сознания, указывает на определенные функции образа «конца истории» в постижении исторической реальности.

Подобные концепции обычно являются частью мифологических или религиозных взглядов. Переходя от народа к народу, от эпохи к эпохе, они принимали различный вид, обрастая теми или иными чертами в зависимости от культурной среды.

Гибель человечества в результате потопа или всемирного пожара кочует в самых различных версиях из одной национальной мифологии в другую. Оставаясь частью религиозного мирозерцания, тема финализма встречается и в построениях философов. Реминисценции этого сюжета встречаются в идее «экспирозы» у Гераклита и в виде «идеального государства» у Платона, основателя европейской теории истории Августина, а также в историософских построениях Иоахима Флорского. Показательно, что все эти доктрины, так или иначе, занимают промежуточное положение между мифологией и философией или между философией и религией. Та же идея фиксируется в мировоззрении Просвещения как идеал полного и в этом смысле эсхатологического знания и явно выражена в марксистском идеале коммунистического общества.

Русская философия также имела серьезный финалистический аспект. Философская мысль в России находилась в предчувствии конца большого периода, страстно ожидая прихода нового зона. Здесь можно привести пример не только Ф.М. Достоевского, оказавшего громадное влияние на экзистенциализм XX века («Легенда о великом инквизиторе»), но и такого философски выдержанного мыслителя как В.С. Соловьев, создавшего основы целой традиции рефлексии о проблемах финализма.

Распространённость темы «конца истории» говорит о том, что мы имеем дело с устойчивой структурой, тем, что обычно называется мифом той или иной культуры, выражающим стремление европейцев к преодолению истории как текучего, нестабильного и поэтому ненастоящего бытия. Длительное время эта тема являлась частью мифологических и религиозных доктрин, однако, философия имеет собственный механизм адаптации данной проблемы.

Философия предполагает особое положение человека в мире, ее проблематика берет свое начало в осознании человеком своей неповторимости, отделенности от вселенной, а, следовательно, конечности; такое положение и дает начало новым способам жизни, ориентированным не на «вечное возвращение» (М. Элиаде), а на изменение самого себя. Историческим источником философии была не только «физиологическая» проблематика, но и этическая. Платоновский Сократ рельефно выразил связь между ощущением конечности и необходимостью философии в

понимании философии как подготовке к смерти¹⁰. Финал становится символом нового мировоззрения в противовес мифологии. Отделенность человека от мира приводит к тому, что он не может удовлетвориться естественным само собой разумеющимся, традиционным восприятием мира. Проблематизация мира в философии порождает психологическую неуверенность в его наличном существовании, мир начинает восприниматься как конечный, или даже как представляющий из себя исчезающую иллюзию. С этой точки зрения финализм является психологическим порождением философии и ее вечным спутником, особым знаковым аспектом философского мироощущения.

При переходе в философскую или квазифилософскую (например, идеологическую) систему «конец истории» должен быть представлен как часть логико-понятийной системы, имеющая собственную логическую дефиницию.

Механизмом, позволяющим перевести финализм в русло непосредственно философии, может стать трансцендирование в широком смысле слова, как поиск «иного» за пределами наличного бытия. Наличная история человечества представляется как заместитель или символ иного, выступающего, одновременно, в качестве гносеологического элемента, необходимой части понятийного аппарата (цель истории, смысл истории). Таким способом финализм приобретает узко философский смысл и становится синонимом телеологии или катастрофизма.

Реконструированный понятийными средствами, конец истории может быть представлен как изменение основного качества истории, переход ее в иное состояние. Он может совпадать и с катастрофическим концом мира, однако возможен и собственно социальный финализм, в узком смысле трактуемый как трансформация самой субстанции истории, в широком же смысле – как любой перерыв исторического континуума – революция, кризис культуры и т.п. Любой утопический проект также представляет вариант конца истории, устранение ее основного качества – развития, замены ее идеальным состоянием социума.

Понятие конца истории требует представления о единой истории, т.е. универсалистской философии истории. Конец

¹⁰ Платон. Федон // Собрание сочинений в 4 томах. Т. 2. М., 1993. С. 14.

истории есть понятие теоретической системы, в которую входят: смысл истории, назначение истории, цель истории, категория развитие, а также человечество как субъект развития. Данные понятия создают особую структуру, существующую не только в теологии или философии, но и предполагаемую в научно-теоретическом исследовании, т. к. история действительно не познаваема вне отношения ее к идеалу, который является этическим коррелятом «завершенности истории».

Никакая схема исторического процесса не может обойтись без категории «изменение», определяющем накопление новых элементов. Однако, данное понятие не фиксирует направления изменения, предполагая все их однокачественными и вполне может вести к циклической модели истории. «Изменение» не схватывает появления качественно новых элементов, а только их перестановку. Для конструирования истории как однонаправленного процесса требуется понятие «развитие», т. е. изменение в определенном направлении, к определенной цели, становящейся критерием для определения качества исторического движения (прогресс-регресс). Развитие есть процесс раскрытия заложенных потенций, которые должны иметь своего носителя – субъект развития. Мыслить развитие вне субъекта абсурдно, отсюда следует понятие «развивающегося субъекта», проходящего через определенные моменты истории. Понятие «смысл истории» в философских доктринах обычно не предполагает, что имеется некий эмпирический момент, который персонифицирует смысл. Смысл предполагает *абстрактную* завершенность развития, т.к. его нельзя усмотреть в каком-либо отдельном эмпирическом моменте истории. Смысл логико-понятийно схватывает эмпирическое движение как законченное целое. «Конец истории» в этой схеме представляет смысл истории, представленный как один из ее логически возможных моментов, исчерпывающий причину движения.

Прекращение существования истории (конец истории, эсхатология истории) может быть понято как прекращение существования ее центрального сущностного качества (борьбы классов, познание мировым духом самого себя), достижение цели, заложенной потенциально уже в начале развития. В данной трактовке эсхатологизм представляется в одном из своих вариантов - телеологии или финализме. Телеология же (от греч.

telos, род. падеж teleos – результат, завершение, цель и logos – слово, учение), в первую очередь, онтологическое учение о наличии в природе и обществе объективных, внечеловеческих целей, целевых зависимостей. Наиболее часто данный термин употребляется для обозначения концепций финализма, поскольку целевая причина понимается как идеальный фактор, определяющий материальные процессы, или поскольку целевая зависимость противопоставляется причинной. Телеологизм как развитая доктрина достиг своей вершины у Г.-В. Лейбница, который восстановил целевые причины для объяснения органической природы¹¹. Организм, по мысли немецкого философа, может быть понят как механизм только со своей внешней стороны; по своей глубинной сущности, выражающей его целостность, он телеологичен – «...Бог преформировал вещи так, что новые организмы суть только механические следствия предшествующего органического строения»¹². Целостность же человеческого сознания значительно более интенсивна, чем целостность животного организма, соответственно возрастает в нем и телеологическое начало. Развитое человеческое сознание уже заключено в потенции в самом начале развития, поэтому, считал немецкий философ, локковский образ «чистой доски» совершенно не применим к человеческой душе.

Согласованность мира, по Лейбницу, имеет своим источником божественную мудрость, которая изначально программирует результаты деятельности независимых друг от друга монад, становясь причиной законосообразности универсума. Телеология связана с теорией аналитических суждений, где предикат уже дан в субъекте. Время в такой системе будет рассматриваться как коррелят логического следования, имеет логическую природу. Такое понимание причины закономерностей мира требует деистического понимания Бога. «Я допускаю сверхъестественное только в начале вещей,» – писал Лейбниц. Деистическая минимизация роли Бога, ставит проблему существования чуда. Г.-В. Лейбниц как и большая часть философов Нового времени был противником представления о чудесах как о беспричинных

¹¹ Майоров В.В. Теоретическая философия Готфрида-В.Лейбница . М., !974. С. 138.

¹² Лебниц Г.В. Опыты теодицеи о благодти Божией, свободе человека и начале зла // Лейбниц Г.В. Сочинения в 4-х т. Т.4. М., 1989. Т.4. С.66.

явлениях, что естественно вытекает из его учения о предустановленной гармонии.

Предустановленная гармония, примененная к социальной сфере, перерастает у Лейбница в теодицею, проблему любой телеологии, состоящей в примирении бесконечной благодати Бога и существования зла. Название основной работы немецкого философа, вышедшей при его жизни как нельзя лучше обозначает эту проблематику – «Опыты теодицеи о благодати Божией, свободе человека и начале зла». Единственный способ объяснить существование зла в телеологическом универсуме есть объявление его «простым несовершенством»¹³. Относительность зла усваивается по мере все более и более полного осознания универсума. Таким образом, мир телеологии законосообразен, логически последователен и совместим, разумно постигаем, и, в этом смысле, однокачественен.

Философия истории XIX века находилась под преобладающим влиянием Г.В.Ф. Гегеля, пересмотревшего большую часть положений историсофских теорий века Просвещения, поставившего вопрос о наличии в историческом процессе объективной закономерности, необходимости, не зависящей от сознательных целей участников исторических событий¹⁴. История мыслилась Гегелем как конечная, находящаяся в Европе свое завершение. История есть целиком царство необходимости, в которой сама сущность исторического процесса определяет его конечность. Следовательно, гегелевская модель истории может рассматриваться как телеологическая. Классический рационализм, примененный к постижению общества, практически всегда перерастает в ту или иную форму социальной телеологии.

Кроме онтологического и гносеологического аспектов, существует другая сторона классического понимания конца истории – трактовка его как организующего, нормативного принципа. Представление о конце истории, в этом случае, выполняет роль социального идеала, в направлении к которому организуется общественная практика и в соответствии с которым намечаются промежуточные цели общественного развития. Как

¹³ Лейбниц Г.-В. Опыты теодицеи о благодати Божией, свободе человека и начале зла // Лейбниц Г.-В. Сочинения в 4-х т. Т.4. М., 1989. С. 144.

¹⁴ Кузнецов В.Н. Немецкая классическая философия второй половины XVII - начала XIX века. М., 1989. С. 376.

цель истории конец истории представляется несомненным идеалом, определяющим стремление большей части людей, что хорошо наблюдается в средневековых миллениаристских и современных радикальных движениях.

Попытки средневековых пап создать теократическую всеевропейскую монархию достаточно выражают направление представляющее земную жизнь как идеал, как возможное отражение небесного мира. В XII веке появляются первые признаки нового понимания общественного идеала, несущие в себе начала секуляризации и демократизации. Реформация объявив догмат предопределения и принцип «всеобщего священничества» положила начало отрицанию общественного идеала как в принципе существующего за пределами наличного, эмпирического бытия. В Новое время исчезает идея понимания земной жизни как средства для достижения небесной. Это дало основание для новой формы социального идеала – социалистической, которая в полной мере впитала представление Просвещения об истории – теорию прогресса. Прогресс есть теория конца истории, в которой идеальная полнота бытия полагается в одном из предельно удаленных моментов будущего. Идеал прогресса несет в себе момент оценки и притом этической оценки. Теория прогресса конструирует идеальное состояние человечества как подлежащее осуществлению, т.е. этически заданное и должное, как неизбежно осуществляющееся и в то же время бесконечно удаленное. Конструирует, исходя из «некоторых» ценностей, постигаемых в момент конструирования, но бессознательно в большей или меньшей степени признаваемых абсолютными. История европейской мысли показывает, что классически-рациональное познание истории потенциально содержит в себе утопию.

Утопизм предполагает принципиальную однокачественность мира, что является первым условием познания его рациональным мышлением. Рациональность, несмотря на всю неоднозначность этого термина в современной философии, требует в первую очередь единства норм – логических ли, нравственных ли, или каких либо еще. Рациональное представление о мире требует «...принципиальной однородности «пространства» универсума и

«времени» истории»¹⁵, как проявления единства рациональных норм. Утопия в отличие от мифа явление логически-рациональное, она имеет развернутую теорию аргументации, которую А.И. Володин характеризует двумя основными чертами: первое – антропологизмом (сама натура человека как проявление законов природы, требует осуществления утопического проекта, как наиболее соответствующего человеческой сущности); второе – объективное развитие человечества, управляемое надисторическими законами, логика движения «мирового разума» ведут к образованию утопического устройства общества¹⁶.

Особый вариант рефлексии о конце истории предполагает не телеологизм и утопию, а социальную апокалиптику и катастрофизм. Такая система содержится как реальный, хотя и обобщенный инвариант в русской религиозной философии. Философия истории С.Н. Булгакова, С.Л. Франка, Н.А. Бердяева, Л.П. Карсавина, В.Ф. Эрн наследовала основную интуицию В.С. Соловьева – всеединство, и, несмотря на различное понимание некоторых моментов и полемику между названными философами, содержит ряд общих мотивов.

Русские философы указывали на радикальный вариант конца истории – апокалиптизм, взгляд согласно которому, Бог непосредственно вмешивается в историю. Вмешательство сверхнатуральных сил посторонний мир выдержать не может, и это является причиной катастрофических событий. Прежний порядок мира, как природного, так и исторического разрушается. Апокалиптизм как вид эсхатологии сосредотачивает свое внимание на драматических и катастрофических аспектах вмешательства Бога в историю, суде над человечеством, спасении верующего меньшинства, основание нового неба и земли. Следовательно, мир должен иметь характеристики, допускающие подобное радикальное изменение качеств универсума и социума. Бытие, допускающее скачкообразное изменение качества не может быть просчитано (предсказано) до конца без остатка. Такой мир не механизм, позволяющий целиком познать себя, как говорил Декарт

¹⁵ Пчелинцева Т.А. Сущность и гносеологические возможности социальной утопии. Автореф. дисс. канд. филос. н. Томск, 1983. С. 14.

¹⁶ Володин А.И. Утопия и история: Некоторые проблемы изучения домарксистского социализма. М., 1976. С. 55.

«ясно и отчетливо», он не может быть воспринят как «знакомое», «общее» и потому повторяющееся содержания бытия; такой мир всегда содержит некую принципиально непознаваемую часть, «непостижимое» как называл его С.Л. Франк¹⁷.

Элементы механического мира экземплярны, потому и схватываются через понятия, через указание общего. Элементы же мира, допускающего апокалиптику, представляют собой индивидуальности. «В конкретном содержании реальности безусловно отсутствует множественное число. Начиная с всеобъемлющего единства бытия и кончая мельчайшей песчинкой – все в реальности существует в единственном числе, есть нечто единственное»¹⁸. Субъектом истории, таким образом, становится человечество, но не как абстракция, а как реальное соединение индивидуальных элементов – такой взгляд на субъект истории был предложен еще В.С. Соловьевым и оставался определяющим для всех его последователей. Элементы такого мира не могут трактоваться как части формально-логической схемы, они суть символы¹⁹, которые невозможно дешифровать простым усилием рассудка, свести к абстракциям; структура символа направлена на то, чтобы дать через каждое частное явление целостный образ мира.

Символ не есть просто указание на какой-то предмет, он представляет собой принцип дальнейшего развертывания свернутого в нем смысла. Символ всегда предполагает наряду с известной частью мира встречу с неизвестным, и в этом смысле символ есть самостоятельная действительность. Хотя это и встреча двух планов бытия, но они даны в полной, абсолютной неразличимости, так что уже нельзя сказать, где «идея» и где «вещь»²⁰. Поэтому, идея антропокосмоса, т. е. обратимости человеческого опыта и природного бытия, всеобщности творческих метаморфоз в мире, является важнейшей предпосылкой символического мышления. Смысл символа может быть пояснен лишь через соотнесение с другим символом. Познание элементов такого мира возможно только посредством

¹⁷ Франк С.Л. Сочинения. М., 1990. С. 196.

¹⁸ Франк С.Л. Сочинения. М., 1990. С. 237.

¹⁹ Эрн В.Ф. Борьба за логос // Сочинения. М., 1991. С. 110.

²⁰ Лосев А.Ф. Диалектика мифа // Самое само. М., 1999. С. 240.

указания на связи с другими частями, т.к. индивидуальность улавливается только через различия со всеми другими индивидуальностями, а в конечном счете со всем бытием, т.е. бытие должно рассматриваться как всеединство, т.е. такое единство при котором все элементы множества тождественны между собой и тождественны целому, но в то же время не сливаются в неразличимое и сплошное единство. Всеединство и выражает принцип символа, поэтому оно не допускает исчерпывающего дискурсивного выражения, но лишь интуитивно-символически²¹ указывает на некоторый строй бытия.

Интуиция всеединства пронизывает всю русскую историю и культуру. «Она не приемлет типичного для Запада механического истолкования мира с его разделением предопределения истории и ее «делания»²². Богочеловечество является коррелятом идеи всеединства в истории. Символ отличается от факта, способа описания путем противопоставления абстрактного и общего конкретному и единичному, а следовательно позитивное познание истории есть только одна часть историософии.

С.Н. Булгаков трактовал Апокалипсис в качестве перехода за рамки исторической феноменальности, без которого «...история есть великая неудача, какое-то трагическое недоразумение»²³. По мысли В.Ф. Эрна история содержит два плана: космический, в котором существует только чаяние будущего преображения человечества, и онтологический, где оно вечно уже есть. Конец истории подготавливается онтологической составляющей истории. Так или иначе, рефлексия о катастрофическом конце истории требует представления о двух планах бытия – реальном и сверхреальном. Однако, противопоставление этих начал применительно к истории, как, например, в средние века, будет означать отрицание ее значимости, история будет рассматриваться либо как целиком страдательное начало, либо как простой феномен, подлежащий железной необходимости. Спасти реальную историю как неотъемлемую часть универсума и, следовательно, выдвинуть тезис о конце истории возможно лишь с позиций всеединства.

²¹ Русская философия. Малый энциклопедический словарь. М., 1995. С. 544.

²² Новикова Л.И., Сиземская И.Н. Парадигма русской философии истории // Очерк русской философии истории. М., 1996. С. 91.

²³ Булгаков С.Н. Свет невечерний: созерцания и умозрения. М., 1994. С. 350.

Немеханизированное бытие допускает развитие, но не в смысле жесткой причинно-следственной обусловленности будущего прошедшим, где новое есть только продолжение старого, а в смысле появления абсолютно нового, непредсказуемого, возникновение доселе не бывшего. Таким образом, перед нами творческая реальность, которая может быть рассмотрена только как тайна, а отдельные явления как чудо (в терминологии С.Л. Франка), «... таинственное вмешательство высших сил становится составным и необходимым элементом жизни»²⁴. Утверждение присутствия чуда в мире является одной из отличительных черт русской религиозной философии²⁵.

Будущее такого мира всегда неопределенно в себе самом, оно есть проявление потенциальности бытия, которая совпадает со свободой в широком смысле слова. В творении нет насилия ни над одним существом, каждому существу дано осуществить свою идею, заложенную в Боге. Всему творению дано свободным и соборным усилием мировой души превратиться в космос, осуществить божественную гармонию. Мир не допускает эволюции, где происходит переход от низших форм к высшим, а только творческое развитие, в котором каждый последующий момент есть чудесное творческое раскрытие предыдущего. Человек, следовательно, приобщается к миру посредством творчества, любое творчество отражает софийность мира. Ни одно качество бытия не может быть безоговорочно распространено в будущее, «...не смешение языков только не вечно; умрет и конкуренция; будет иметь конец и революция; даже внешняя борьба и естественный закон борьбы не имеют права на вечное существование!» – писал Н.Ф. Федоров²⁶. Мир символов, способный к преобразению – такова трактовка реальности. Механическое состояние природы преодолевается через придание ей смысла посредством человеческой деятельности.

Европейская философия конца XIX века критиковалась русскими философами именно за омертвление мира, превращение всего в механизм, вещь, в объект человеческой воли, а следовательно, в игрушку, что определяет торжество скептицизма.

²⁴ Эрн В.Ф. Борьба за логос // Сочинения. М., 1991. С. 216.

²⁵ Бердяев Н.А. Философия свободы // Смысл творчества. М., 1989. С. 41-42.

²⁶ Федоров Н.Ф. Сочинения. М., 1982. С. 332.

Цивилизация (особые условия жизни людей) обернулась против них самих, превращение мира в вещи вызвало рассмотрение самого мира как вещи, а следовательно пессимизм (что возможно ожидать от мертвых вещей?).

Время, категория абсолютно необходимая для построения модели истории, также будет трактоваться иначе в данной системе. Его рассмотрение как коррелята жестких причинно-следственных связей невозможно, время детерминизма скорее должно быть превзойдено, т.к. именно оно создает условия несвободы²⁷. Свобода бытия предполагает разрыв времени детерминизма. Время не есть фон повторения одних и тех же событий, наоборот, оно разбивает иллюзии и тем самым говорит о вечности. Время раскрывает смысл бытия, то или иное явление вступает в бытие только когда исполняется «полнота времён». Свобода бытия предполагает разрыв времени детерминизма. «Эти перерывы иррациональны, сверхпозитивны, мистичны. Каждый перерыв – это та реальная, в пределах нашего мира лежащая точка, где два мира: мир «этот» и «тот», мир сущего и существующего, мир абсолютной свободы и мир причинной обусловленности соприкасаются в реальном взаимодействии»²⁸. История, таким образом, определяется как объективное время, наполненное рожденьями и смертями, смена поколений (С.Н. Булгаков)²⁹, а не смена эпох, периодов, формаций, т.е. неких временных общностей, объединенных каким-либо рациональным принципом. Время есть антитезис позитивно усматриваемому смыслу. Оно по природе своей алогично, иррационально, принципиально таково, что прошлого момента уже нет, будущего еще нет и ничего о нем неизвестно, а настоящее есть неуловимый миг. Сущность времени – в непрерывном нарастании бытия, когда совершенно, абсолютно неизвестно, что будет через одну секунду. Время есть подлинная алогическая стихия бытия, – «в подлинном смысле судьба или, в другой опытной системе, воля Божия»³⁰, – писал А.Ф. Лосев.

Время в такой системе скорее напоминает социокультурное, чем астрономическое, в терминах П. Сорокина и Р. Мертона,

²⁷ Эрн В.Ф. Борьба за логос // Сочинения. М., 1991. С. 173-174.

²⁸ Эрн В.Ф. Борьба за логос // Сочинения. М., 1991. С. 215.

²⁹ Булгаков С.Н. Свет невечерний: созерцания и умозрения. М., 1994. С. 301.

³⁰ Лосев А.Ф. Диалектика мифа // Самое само. Сочинения. М., 1999. С. 355.

выделявших два типа времени: «астрономическое» (календарное время или «время часов») и «социокультурное», имеющее следующие характеристики: «1) оно измеряет социокультурные явления в терминах времени других социокультурных явлений; 2) оно протекает неравномерно как в рамках одной и той же социальной группы, так и в разных обществах; 3) оно не является бесконечно делимым; 4) оно имеет качественный характер; 5) оно не «пустое», но эффективное, и само его течение преобразует общество»³¹. Социокультурное время является коррелятом времени личности, в том смысле, что оно принадлежит личности и последняя реализуется через время. Иными словами, эти темпоральные представления связаны с самоидентификацией субъекта в потоке истории. Близкую мысль высказывал Н.А. Бердяев, разделявший время на космическое (астрономическое в терминологии Мертона и Сорокина), историческое, направленное к грядущему и необратимое, т.е. не допускающее повторов, и время экзистенциальное. Экзистенциальное время не измеряется метрически, в нем нет различия прошлого и будущего, оно входит в историческое через прорывы творчества. Совпадение экзистенциального и исторического времени и будет означать конец истории.

История, помещенная в однородное время, рассматривается как непрерывная, переходящая в дурную бесконечность. История в мире живых символов становится прерывной и катастрофичной³². Апокалипсис раскрывает потенциальные моменты бытия полностью, поэтому он есть разрушение привычного мира и утрата философской надежды на возможность усвоения истории только позитивными методами. Конец истории при рассмотрении с позиций апокалиптизма наступает только по ту сторону узконаучно понимаемого исторического процесса; такая трансформация представляется с точки зрения позитивно-исторического сознания как катастрофа.

В отличие от апокалиптизма, представляющего трансцендентный вариант конца истории, утопизм (милленаризм) предполагает имманентный эсхатологизм и иной строй бытия.

³¹ Цит. по Савельева И.М., Полетаев А.В. История и время. В поисках утраченного. М., 1997. С. 493.

³² Эрн В.Ф. Борьба за логос // Сочинения. М., 1991. С. 292.

Утопизм требует раскрытия законов исторического процесса, объяснения исторических событий из них самих, т.е. того, что обычно называется философией истории. Смысл истории, строго говоря, не может быть указан в данной системе, т.к. он, в первую очередь, есть указание на нечто иное, чем сама история. Утопия есть решение задач, поставленных историей, в рамках самой истории. Апокалиптика же необходимо предполагает метаисторичность (проблему смысла истории, конца истории, национальный миссионизм), описываемую историсофией в том смысле который последней придавала русская философия – изучение истории как символа существования целостного человеческого духа³³.

Таким образом, любая утопия предполагает изменение мира посредством рациональных проектов. Она созвучна основным установкам классического рационализма XIX века, включавшими субстанциональное (сущностное) определение истории, а следовательно ту или иную степень телеологизма, как заложенности конечного (предельного) состояния человечества в самой субстанции его истории.

Примерами утопизма (милленаризма) в русской философии могут являться теократические построения В.С. Соловьева и «философия общего дела» Н.Ф. Федорова, а также в какой-то мере, «религиозная общественность» С.Н. Булгакова. Стратегическим же направлением развития отечественного умозрения стал катастрофизм (апокалиптизм), который появляется впервые у основателя философии всеединства в «Трех разговорах...», утвердился в традиции у В.Ф. Эрна и достиг своего завершения у Н.А. Бердяева.

Рационализм XIX отвергал личное переживание истории, т.к. несёт в себе представление о единстве мира, одинаковости форм для всех. Переживание истории, история как форма человеческой жизни может породить далеко не всеобщие формы исторического понимания, эти формы могут быть слишком личностными. Для адаптации этих форм религиозная философия использует интуицию человечества-организма. Гегельянская рационалистическая модель исключает момент выбора цели,

³³ Новикова Л.И., Сиземская И.Н. Парадигма русской философии истории // Очерк русской философии истории. М., 1996. С. 88.

личного усилия. Абсолютный дух Гегеля, овладевающий тем или иным народом, и был для великого немца личностью человечества, хитрость же абсолюта замещает личный выбор. В философии истории В.С. Соловьёва проступает совершенно иной мотив – возможности не выполнить свою историческую миссию, возможность волевого усилия – самоотречение (призвание варягов, реформы Петра Великого). Софиология как вид духовно-практического опыта будет усиливать в своих конструкциях волевой, этический аспект. Данный аспект философствования как способа перевода жизненной ситуации в особые нарративные формы, возможно, уловить на примере текста любого талантливого философа через ощущение захваченности самим процессом чтения. На этом фоне только выводы мыслителей, пересказанные критиком, выглядят бледно, отстало и нестройно. Суггестивный аспект текста утерян, а это сужает возможность его толкования.

Человек присваивает себе некоторое пространство, сакрализует его, выделяя из пространственного континуума. Так появляется идея святой земли или особой миссии того или иного народа. Примеры такого рода могут быть многочисленными: выделение Гегелем германского духа как способного полностью в законченном виде выразить абсолютную идею; национальный мессианизм в русской философии от славянофилов до евразийцев; европоцентристская установка длительное время кочевавшая в различных видах по всем гуманитарным дисциплинам; и, наконец, представление о настоящем как о «последнем» времени, которое есть раскрытие всех потенций истории³⁴. Существование субъективно-этического и объективно-исторического планов в проблеме социального финализма не случайно.

Катастрофизм и утопизм требуют прекращения истории, исходя из морально должного, а апокалиптика кроме того связана не только с темой судьбы человечества, но и отдельного человека. Мотив смерти – мотив слишком личный, в контексте софиологии это главный мотив. Напомним, что один из главных моментов софийной антропологии – смерть и её преодоление, а также смерть как важнейшая характеристика человеческого бытия. Факт смерти не даёт встать на отстранённо-теоретическую позицию. Смерть – тема отнюдь не для рациональной модели философии конца XIX

³⁴ Г.В.Ф. Гегель. философия истории // Сочинения. Т. 8. М.-Л., 1935. С. 409.

в., в рамках которой желали бы остаться Соловьёв и Булгаков, а скорее для рационализированной мифологии, которую и представляет из себя «философия общего дела» Н.Ф. Федорова. Таким образом, философия способна адаптировать религиозно-мифологический мотив «конца истории» посредством собственных механизмов, превращая его в особое понятие, находящееся в рамках специфической философской доктрины. Кроме этого, финализм в широком смысле этого слова, может быть признаком философского мироощущения, которое базируется на открытии человеком своего «Я».

Философия выработала две основные доктрины социального эсхатологизма, в которых конец истории представлен как частный элемент развернутой онтологической доктрины. Первая имеет своим фундаментом классический рационализм, с его структурообразующими принципами субстанциональности мира и его логической совместимости. Такой мир, в принципе, телеологичен, т. к. основные характеристики субстанции будут ограничивать возможность конечных состояний мира. Конец истории в такой системе будет мыслиться как исполнение, актуализация заложенных потенциалов. Попытка человека «встроиться» в поток истории через рациональное постижение мира ведет к утопии, как виду социального эсхатологизма, т. к. утопизм – это рационализм, доведенный до своего завершения, до логического конца. Вторая модель явилась результатом изменений в философии на рубеже XIX - XX веков, и нашла свое отражение в философии всеединства в России. Она учитывает непредсказуемость мира и активно-творческую роль каждого человека в нем. Отказавшись от отождествления рационального с логическим, данная модель стала основой для разработки проблемы конца истории в отечественной философии, близких к катастрофизму и апокалиптизму.

*Лагутин И. Б., студент 5 курса
Курского института менеджмента,
экономики и бизнеса*

Образовательный Банк – очередная панацея

для нашей системы образования

Важнейшим элементом для эффективной работы системы образования является его финансирование, которое позволяет обеспечить процесс подготовки специалистов всем необходимым. Как добиться достаточного финансирования всех ступеней образования в России, где взять для этого деньги? Для системы государственного регулирования современного высшего образования вырисовываются две основные задачи:

1. Обеспечить достаточное поступление средств во все эшелоны образовательной системы.

2. Обеспечить всем возможность получения образования, которое им необходимо.

Начать процесс реформирования необходимо с высшего образования, которое просто должно увеличивать с каждым годом долю платного сектора образовательных услуг, сокращая ежегодно количество бюджетных мест, доведя их количество до определенного минимума. Сердцем новой государственной системы управления образованием должен стать Образовательный Банк. В роли такого органа может выступать любой существующий банк, или несколько банков могут предоставлять данную услугу населению. Это может быть государственный фонд денежных средств, который работает по системе банка, вариантов может быть множество.

Механизм работы Образовательного Банка очень простой. На территории страны рождается ребёнок, государство кладёт на его счёт определённую сумму денег. Эти деньги предназначены для образования этого ребёнка, банк обеспечивает не только сохранность этих средств, но и доходность от них. Снять эти деньги со счёта родители не могут, т.к. эти средства принадлежат не ребёнку и его семье, а государству, которое выделило их для обучения этого ребёнка. Потратить эти средства на иные нужды невозможно. За 17 лет, которые проходят с момента рождения эти средства со счёта не снимаются, и к поступлению в учебное заведение второго уровня эти деньги вырастают в конкретную сумму, благодаря процентам. Родителям предоставляется возможность увеличения средств на счёте их ребёнка, но эти капиталовложения нельзя вновь снять. Если не учитывать денежные субсидии родителей, а исходить из расчёта первоначальной суммы, то для ребёнка открывается ряд возможностей:

1. Поступить в государственное высшее учебное заведение, но средств на счету не хватает, они покрывают лишь оплату трёх лет очного обучения. Два варианта возникают в этой связи:

1) родители доплачивают оставшуюся сумму;

2) ребёнок хорошо зарекомендовавший себя в учёбе, добившийся значительных успехов доучивается бесплатно, за счёт государства, но процент таких детей не должен быть высоким.

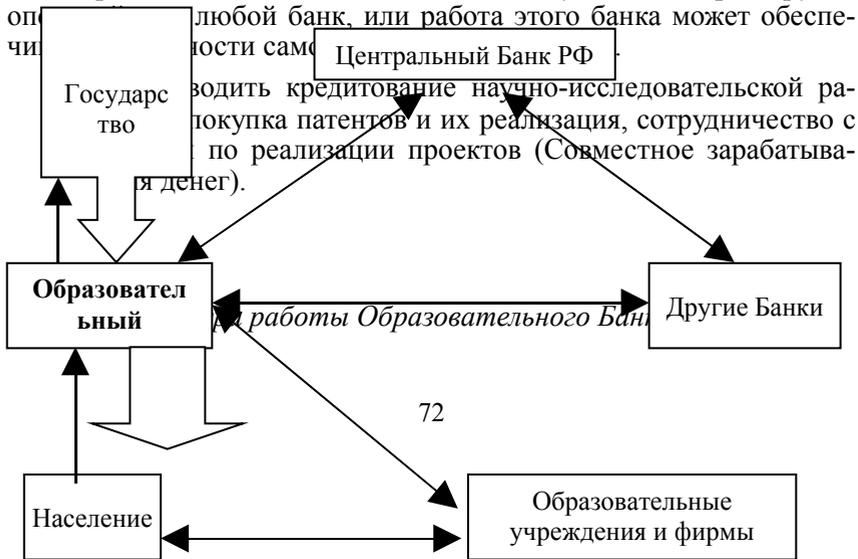
Если у студента отсутствуют средства учиться дальше, то он либо получает справку установленного образца о том, что он получил незаконченное высшее образование, либо перевестись на другие формы учёбы (заочное, вечернее), где плата за учёбу ниже. Это сильная мотивация для студентов, которые должны стремиться проявить себя. Оценку результатов должны проводить независимые специалисты, а не преподаватели вуза, это делается для ликвидации возможности злоупотребления.

2. Поступить в негосударственное высшее учебное заведение, денег хватает здесь на весь срок обучения в заочной форме, или на четыре года очного обучения, система продолжения учёбы одинаковая с государственным учебным заведением.

3. Поступить в средне специальное учебное заведение, суммы достаточно и даже деньги остаются, их можно использовать на обучение в дальнейшем (заочное, вечернее) в высших ученых заведениях. Если человек умирает, то средства возвращаются государству.

Эта система хороша тем, что средства находятся в полном распоряжении Банка 17 лет, и нет возможности их снять со счёта. Что позволяет использовать их с максимальной отдачей.

Образовательный Банк также может осуществлять ряд других операций: любой банк, или работа этого банка может обеспечить самостоятельное проведение кредитования научно-исследовательской работы, покупка патентов и их реализация, сотрудничество с образовательными учреждениями по реализации проектов (Совместное зарабатывание денег).

2. Осуществлять выдачу кредитов – родителям, студентам для получения образования (после того как закончатся государственные средства, или для получения второго высшего образования и т.д.).

Такая система финансирования образования позволяет решить помимо поставленных выше проблем ещё ряд недостатков.

- Ликвидировать дискриминацию негосударственных учебных заведений, они также получают государственные средства с приходом очередного студента;
- Решить проблему недофинансирования образования;
- Обеспечить экономический рост, как следствие увеличения количества квалифицированных кадров;
- Осуществить частичную ликвидацию коррупции – все платят, а также существование независимых оценочных организаций (возможное участие представителей Образовательного Банка в оценивании студентов и в аттестации вузов);
- Добиться улучшения условий работы преподавателей и качества подбора профессорско-преподавательского состава;
- Ликвидировать невостребованные специальности;
- Создать более качественный отбор при поступлении в вуз

и в процессе учёбы в нём;

- В отличие от ГИФО работа образовательного банка позволяет учебным заведениям получить реальные денежные средства.

*Левченко В.А., д.э.н., профессор,
зав. кафедрой менеджмента
Курского института менеджмента,
экономики и бизнеса*

К вопросу о роли государственной политики в области развития местного самоуправления

В соответствии с Конституцией Российской Федерации, российским законодательством, законодательством субъектов Российской Федерации, местное самоуправление в системе управления государством и обществом решает следующие задачи:

- 1) укрепляет основы народовластия;
- 2) создает условия для обеспечения жизненных интересов населения;
- 3) проводит мероприятия по социальной защите населения;
- 4) стабилизирует политическую систему;
- 5) готовит кадры для муниципальных органов.

Кроме того, его важнейшей задачей является развитие местной, муниципальной демократии, создание оптимальной и эффективной системы местного самоуправления, как необходимого условия обретения Россией качеств, правового демократического государства.

Особое значение для становления и развития местного самоуправления, его правового регулирования имеет Европейская Хартия о местном самоуправлении.

Существование облеченных реальной властью органов местного самоуправления, - гласит Европейская Хартия о местном самоуправлении, - обеспечивает эффективное и, одновременно, приближенное к гражданину управление» [1].

Местное самоуправление составляет важнейшую часть механизма управления, позволяющего оптимально сочетать интересы и права человека с интересами региона и государства.

Смысл и содержание деятельности органов государственной власти, выборных и других органов местного самоуправления, определяющих приоритет прав и свобод личности, утверждены Конституцией Российской Федерации.

Именно развитое местное самоуправление может быть одной из наиболее надежных гарантий обеспечения целостности государства.

Формирование и развитие местного самоуправления в Российской Федерации осуществляется с учетом не только отечественного опыта организации местной власти, но и под значительным влиянием зарубежного муниципального опыта.

Важным этапом в становлении системы муниципального управления в России, в целях обеспечения условий для его дальнейшего развития и повышения эффективности его деятельности, как необходимых условий становления экономически и социально развитого демократического государства, реализации его конституционных полномочий, стала разработка и утверждение указом Президента Российской Федерации от 15 октября 1999 года № 1370 «Основных положений государственной политики в области развития местного самоуправления в Российской Федерации».

В основных положениях государственной политики в области развития местного самоуправления в Российской Федерации закреплена единая система представлений о целях, приоритетных направлениях, задачах и принципах политики государства в сфере развития местного самоуправления, и механизмах ее реализации.

В области развития местного самоуправления государственная политика находит свое выражение в федеральных законах, законах субъектов Российской Федерации и иных нормативных актах в области местного самоуправления. Она направлена на обеспечение преемственности деятельности федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления и соответствующих должностных лиц в процессе реформирования местной власти на принципах самоуправления.

Принципы осуществления местного самоуправления, определенные Конституцией РФ, явились результатом осмысления отечественного опыта организации местной власти с учетом общих для демократических государств, принципов децентрализации управления, самоорганизации граждан, законности, осуществления публично-властных полномочий на уровне, позволяющем наиболее эффективно их реализовывать.

Механизмом реального осуществления народовластия в Российской Федерации является включение местного сообщества в процесс принятия общественно значимых решений.

В данном процессе важную роль играют органы государственной власти, которые должны не только создавать правовую и экономическую основы деятельности муниципальной власти, но и активно проводить государственную политику в области развития местного самоуправления, способствовать тому, чтобы граждане имели реальную возможность участвовать в решении вопросов местного значения.

Принятие государственных нормативов и стандартов в области медицины, образования, коммунального обслуживания, безопасности, а также применение этих нормативов в муниципальных образованиях призваны решать задачи развития человеческого потенциала территории и местного сообщества.

А это возможно только при активном гражданском участии жителей, при постоянной обратной связи между местной властью и местным сообществом.

С учетом того, что местные сообщества способны решать свои проблемы в наиболее эффективных формах, с учетом конкретных условий каждой отдельной территории. Поэтому реально действующее местное самоуправление позволяет государственной власти сконцентрироваться на решении проблем федерального и регионального уровня, способствует повышению эффективности государственного управления.

Поддержка местного самоуправления со стороны государства и создание условий для устойчивого самостоятельного развития муниципальных образований должны быть ориентированы на эффективное и согласованное функционирование федеральных, региональных и муниципальных органов власти, государственных и гражданских институтов в целях обеспечения конституционных прав и свобод граждан России, повышения жизненного уровня и благосостояния многонационального народа Российской Федерации.

Конституция Российской Федерации создала необходимую конституционно-правовую основу для самостоятельного решения местными сообществами вопросов местного значения, а также для реализации коллективных интересов граждан, связанных с местом их проживания. На территориях большинства субъектов Россий-

ской Федерации проведены муниципальные выборы и местное самоуправление осуществляется в формах, в основном соответствующих требованиям Конституции Российской Федерации и федерального законодательства.

Однако формирование полноценных органов местного самоуправления еще не завершено. В ряде случаев органы местного самоуправления не имеют возможности осуществлять свои конституционные полномочия, в частности - по формированию, утверждению и исполнению местных бюджетов, установлению местных налогов и сборов, управлению муниципальной собственностью.

Это не только ущемляет права граждан на участие в местном самоуправлении, но и значительно затрудняет развитие муниципальной власти. Ряд нерешенных проблем, вызванных экономическими трудностями в стране, неполнотой законодательного регулирования (в первую очередь отсутствием четкого разграничения компетенции между федеральными, региональными и муниципальными органами власти), приводит к разногласиям и конфликтам между органами государственной власти и органами местного самоуправления.

Проблема нередко усугубляется субъективным фактором - неумением, а подчас и нежеланием соответствующих должностных лиц выработать согласованные решения, направленные на взаимодействие федеральных, региональных и муниципальных органов власти в интересах населения. Процесс становления местного самоуправления выявил ряд общих проблем, это:

- несогласованность и несистематизированность законодательства Российской Федерации о местном самоуправлении;

- неполное и непоследовательное законодательное регулирование вопросов организации деятельности местного самоуправления

- несоблюдение законодательства Российской Федерации о местном самоуправлении, в том числе;

- бездействие органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления, отсутствие нормативного регулирования на соответствующем уровне вопросов, связанных с осуществлением местного самоуправления;

- отсутствие четкого правового разграничения полномочий между органами государственной власти (федеральными и субъектов Российской Федерации) и органами местного самоуправления;

-недостаточное обеспечение финансово-экономической самостоятельности муниципальных образований;

-несовершенство механизмов судебной защиты местного самоуправления, неурегулированность вопроса обеспечения исполнения судебных решений, а также несовершенство системы подготовки судебных кадров и повышения квалификации судей в сфере муниципального права;

-отсутствие права органов местного самоуправления на защиту посредством конституционного судопроизводства прав местного самоуправления и конституционных прав граждан на осуществление местного самоуправления;

-нехватка квалифицированных муниципальных кадров

Для решения указанных проблем необходима единая государственная политика в области развития местного самоуправления в Российской Федерации.

Главной целью государственной политики в области развития местного самоуправления в Российской Федерации является обеспечение дальнейшего развития местного самоуправления и повышения эффективности его деятельности как необходимых условий становления экономически и социально развитого демократического государства.

Для реализации политики государства предстоит решить следующие задачи:

во-первых, обеспечить реализацию конституционных прав граждан на осуществление местного самоуправления;

во-вторых, создать условия для реализации органами местного самоуправления своих конституционных полномочий;

в-третьих, обеспечить государственные гарантии местного самоуправления, а также соблюдение органами государственной власти и органами местного самоуправления законодательства Российской Федерации о местном самоуправлении и исполнения нормативных правовых актов органов местного самоуправления.

Государственная политика в области развития местного самоуправления в Российской Федерации формируется и реализуется на основе соблюдения следующих принципов:

-единство целей, направлений, задач и механизмов реализации государственной политики;

-комплексный подход к реализации государственной политики;

-взаимодействие и сотрудничество федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления в процессе реализации государственной политики;

-преемственность государственной политики на разных этапах проведения муниципальной реформы;

-всесторонняя поддержка местного самоуправления со стороны государства;

-невмешательство органов государственной власти в компетенцию органов местного самоуправления;

-контроль со стороны государства за реализацией государственными органами и их должностными лицами государственной политики.

Для этого государство в лице федеральных органов государственной власти и органов власти субъектов Российской Федерации располагает рядом механизмов, позволяющих осуществлять государственную политику в области развития местного самоуправления в Российской Федерации.

К таким механизмам относятся:

-правовое регулирование организационной, финансовой и хозяйственной самостоятельности местного самоуправления при решении вопросов местного значения;

-формирование системы государственных органов, занимающихся вопросами местного самоуправления;

-принятие федеральных и региональных программ, способствующих, развитию муниципальных образований;

-бюджетное и налоговое регулирование, позволяющее обеспечить сбалансированные минимальные местные бюджеты, создать условия для оптимизации налоговой базы муниципальных образований;

-передача в муниципальную собственность находящихся в государственной собственности объектов, необходимых для осуществления полномочий местного самоуправления;

-методическая поддержка местного самоуправления, путем в том проведения конференций, семинаров по актуальным вопросам местного самоуправления;

-подготовка и повышение квалификации кадров для местного самоуправления, в том числе повышение квалификации выборных лиц местного самоуправления, подготовка кандидатов и участников выборных кампаний к выборам и другим процедурам прямого волеизъявления населения;

-информационная поддержка местного самоуправления, в том числе разъяснение населению конституционных основ местного самоуправления, информирование его о ходе и проблемах реформы местного самоуправления;

-широкое использование согласительных процедур при решении проблем, возникающих в процессе взаимодействия федеральных органов власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления.

Использование указанных механизмов в рамках долгосрочных федеральных и региональных целевых программ поддержки местного самоуправления будет способствовать наиболее эффективной реализации государственной политики в области развития местного самоуправления.

Государственной политики в области развития местного самоуправления в Российской Федерации требует комплексного подхода к решению поставленных задач, поэтапного их выполнения, а также определения приоритетных направлений на соответствующем этапе реализации государственной политики.

Успешная реализация государственной политики в области развития местного самоуправления в Российской Федерации позволит обеспечить создание системы взаимодействия населения, местного самоуправления и государственной власти.

Её эффективное функционирование позволит обеспечить:

-улучшение условий жизни населения в каждом муниципальном образовании;

-обретение гражданами навыков демократического взаимодействия с формируемыми ими органами местного самоуправления, а также навыков общественного контроля, за эффективностью их деятельности;

-устойчивое самостоятельное развитие муниципальных образований.

Список литературы:

*Левченко В.А., д.э.н., профессор,
зав. кафедрой менеджмента
Курского института менеджмента,
экономики и бизнеса
Селютин И.В., аспирант
Курской государственной
сельскохозяйственной академии*

Основные направления совершенствования работы МТС

Процесс создания новых МТС сопровождается значительными трудностями, вызванными, в первую очередь, отсутствием финансовых средств, а также недостаточным экономическим анализом деятельности, относительно слабой хозяйственной предприимчивостью, инициативой, что, естественно, сказывается на увеличении стоимости выполняемых работ.

Опыт действующих МТС свидетельствует, что для их организации и успешного функционирования требуется:

1. Определить потенциальных потребителей, объем работ, заказчиков.

Это необходимо выполнять как при организации МТС, так и в дальнейшем ее функционировании. Сначала анализируют текущие и перспективные потребности сельхозтоваропроизводителей. Для этого собирают сведения о потребных услугах потенциальных заказчиков, устанавливают номенклатуру и объем работ, которые они хотели бы отдать на сторону. При этом изучают технические и экономические их показатели, возможности в производстве механизированных работ, потребность в технике, ее техническом обслуживании, ремонте и др., организуют сбор и обобщение заказов с соответствующим оформлением заявок на услуги.

Сегодняшнее экономическое положение в агропромышленном комплексе предопределяет поэтапное создание МТС. Основные за-

дачи на начальном этапе определяются наличием таких проблем, появившихся в каждом хозяйстве, административном районе, как производственная эксплуатация техники, выполнение требуемого объема механизированных, особенно трудоемких работ - пахоты, посева и посадки, уборки сельскохозяйственных культур, заготовки кормов.

Поэтому на данном этапе можно ограничиться решением только этих задач. Число структурных подразделений должно быть небольшим - 1-5 механизированные бригады, оснащенные тракторами тягового класса 3-6, 1-2 для уборки зерновых культур, заготовки кормов и др., а также транспортная, которая может быть занята и в осенне-зимний период.

Дополнительно, в зависимости от существующей ремонтно-обслуживающей базы, МТС может оказывать услуги по выполнению ремонтных и других работ.

В этот период очень важно иметь поддержку со стороны местных и региональных органов.

Затем, в зависимости от объема заявленных работ и экономического потенциала, МТС может не только увеличить численность механизированных бригад, определить их специализацию, но и создать новые структурные подразделения, то есть расширить зону своей деятельности, например, взять на себя выполнение всех механизированных операций в севообороте отдельных культур.

После, при экономической стабильности МТС и хозяйств, должна быть намечена долгосрочная перспективная программа дальнейшего развития.

2. Разработать бизнес-план. Бизнес-план - основа экономического подъема машинно-технологических станций. При его составлении предусматривается применение перспективных отечественных и зарубежных технологий сельскохозяйственного производства. Он содержит такие основные проектные решения: объем инвестирования, сроки возврата заемных средств; оптимальная структура и объем механизированных полевых работ у сельхозтоваропроизводителей; оптимальный состав машинно-тракторного парка и показатели его загрузки; рекомендации по технической и производственной эксплуатации техники; финансовые показатели деятельности машинно-технологической станции. Важно при составлении бизнес-плана принимать решения, планировать мероприятия, обеспечивающие снижение себестоимости предстоящих

работ, а следовательно, повышение их прибыльности для заказчиков. Повышение эффективности производства обеспечивается применением передовых технологий, соблюдением агротехнических сроков их выполнения, проведением предусмотренных работ, которые из-за отсутствия техники ранее не выполнялись, вводом в оборот дополнительных площадей.

3. Располагать стартовым капиталом (собственным или заемным) для приобретения техники и формирования оборотных средств на ее использование или наличие собственной. Это наиболее важное условие создания стабильно работающей машинно-технологической станции. Увеличение ее технологического потенциала возможно различными путями. Это - использование техники хозяйств, входящих в зону обслуживания, высококачественный ремонт своей или купленной в хозяйствах изношенной (списанной); приобретение новых машин за счет кредитных, лизинговых и собственных средств. Зарубежную технику рекомендуется приобретать только при отсутствии подобной отечественной. В большинстве случаев создание МТС осуществляется при финансовой помощи регионов, районов. Однако, из-за финансового положения в стране таких средств явно недостаточно. Возможное решение проблемы - использование внебюджетных источников финансирования, кредитов банков, в том числе зарубежных, бюджетных при создании государственных унитарных предприятий, выделение средств из федерального бюджета на лизинговые операции на основе финансовой аренды. Для осуществления таких операций создается федеральный лизинговый фонд, а на территориальном уровне - региональный.

Один из путей приобретения машин МТС - привлечение средств промышленности и банков, когда она включена в состав производственно-финансовой корпорации (финансово-промышленной группы). Для взятия кредита или приобретения по лизингу техники необходимо иметь бизнес-план с четким обоснованием и графиком погашения кредита, залоговое имущество - недвижимость, товарно-материальные ценности, в первую очередь сельскохозяйственную продукцию, ценные бумаги - ликвидные акции, векселя, оборудование и машины, а также поручительства, гарантии. В качестве гаранта выступает региональная администрация. Рекомендуется принимать решение о получении кредита только тогда, когда имеется твердая уверенность, что приобретение техники

в запланированные сроки оправдывает себя и заемные средства будут возвращены (большая годовая загрузка, высокопроизводительное использование, применение рациональных технологий, получение высокой урожайности и т.п.).

4.Эффективно использовать технический потенциал МТС. Имеются два основных показателя высокопроизводительного использования технического потенциала МТС:

-годовая загрузка в 2,0-3,0 раза выше нормативной;

-суточная работа МТА в напряженные сельскохозяйственные периоды в две-три смены.

Такие показатели обеспечивают, помимо роста производительности, снижение в 1,5-2 раза себестоимости выполняемых работ по сравнению с нормативной загрузкой.

При формировании МТП необходимо также предусматривать применение широкозахватных скоростных агрегатов, мобильность перемещения их с поля на поле, из хозяйства в хозяйство. При этом групповое использование техники обуславливает оперативное и квалифицированное ее обслуживание, специализацию и высокий профессионализм механизаторов. Немаловажное значение приобретает выращивание и уборка сельскохозяйственных культур с разными сроками выполнения одинаковых операций. Из-за сезонного характера механизированных полевых работ рекомендуется оснащать МТС не только сельскохозяйственной, но и другой техникой, обеспечивающей круглогодичное ее функционирование.

5.Применять высокие технологии, организации труда. Основные показатели применяемых МТС технологий - их перспективность, уровень интенсификации (высокая, интенсивная, нормальная). От правильного выбора и их применения в конечном итоге зависят результаты работы.

6.Снизить себестоимость механизированных и других работ по сравнению с выполняемыми в зоне обслуживания. Снижение себестоимости выполняемых работ - это прямое получение экономии. К одному из решающих факторов относится величина налогов, которые у сельхозтоваропроизводителя ниже, чем у МТС, которые, к сожалению, приравниваются к промышленным предприятиям, что, естественно, ошибочно, так как основная их деятельность заключается в выполнении полевых сельскохозяйственных работ. Один из путей получения МТС льгот по налогообложению - заключение с

хозяйствами, в первую очередь, учредителями, долгосрочных договоров о совместной деятельности по производству, хранению и переработке сельскохозяйственной продукции, взаиморасчетах посредством ее раздела с последующей самостоятельной реализацией при условии, что выручка от такой деятельности составляет не менее 70% от общей стоимости выполняемых работ.

Другой - уменьшение или освобождение МТС от уплаты налогов, зачисляемых в местный бюджет.

Однако, основные пути снижения себестоимости работ относятся к непосредственной ее деятельности. Применение высоких и интенсивных технологий сельскохозяйственного производства, рациональное комплектование машинно-тракторных агрегатов, организация работ в 2-3 смены, сокращение простоев по организационным и другим причинам, групповое использование техники, соблюдение технологической дисциплины - все это способствует уменьшению затрат.

Рекомендуется, чтобы сельхозтоваропроизводители обладали контрольным пакетом акций МТС.

Это создает условия для контроля за их деятельностью, препятствует необоснованному завышению тарифов, позволяет увеличить долевой взнос учредителей за счет приобретения техники по кредиту, лизингу, справедливо распределить получаемую прибыль, в целом, работать в интересах товаропроизводителей.

Важно установить правильное соотношение между АУП и другими работниками МТС, особенно в первоначальный период организации, когда имеется небольшое число рабочих. Это обеспечивает определенную экономию средств на заработную плату.

Экономия топлива, стоимость которого в общем балансе издержек на механизированные работы увеличилась в несколько раз, - важный резерв. Добиваются этого выбором оптимальных скоростей, регулировкой рабочих органов, регулярной проверкой состояния топливной аппаратуры и т.п.

7. Обеспечить ремонтно-обслуживающую базу. В целях обеспечения требуемой надежности машин основное внимание обращают на проведение технического обслуживания и ремонта по результатам диагностирования, что предупреждает отказы в напряженные периоды работы. Для этого необходима соответствующая ремонтно-обслуживающая база.

Значительный резерв снижения себестоимости работ кроется в круглогодичной загрузке основных кадров МТС путем организации переработки сельскохозяйственной продукции, оказании всевозможных других услуг сельхозтоваропроизводителям, в том числе по ТО, ремонту и монтажу животноводческого и другого оборудования. Организация производств по первичной переработке сельхозпродукции (получение муки, крупы, масла и др.) - наиболее целесообразный вид деятельности. так как расчет хозяйств с исполнителями работ в сегодняшних условиях осуществляется, в основном, путем натуральной оплаты.

*Гитис И.И., ст .препод.
кафедры иностранных языков
Курского института менеджмента,
экономики и бизнеса*

Моралогия – наука о нравственности

В XX веке попытки научного обоснования законов нравственности и доказательства преимуществ жизни основанной на моральных принципах предпринимались многими учеными. Причиной послужило бурное развитие науки и техники, которым ознаменовался прошлый век. С ростом количества образованных людей возникла необходимость создать науку, которая обоснует и докажет необходимость соблюдения нравственных принципов, которая поможет убедить как можно больше людей жить соблюдая законы морали.

Такая наука о нравственности или моралогия была создана известным японским философом, историком, правоведом и педагогом – Чикуро Хироике в начале XX века. Работы этого ученого, не смотря на широкое распространение во всем мире, малоизвестны в России и на русский язык не переведены.

Моралогия – это наука, посвященная как сравнительному анализу принципов, составляющих и сути традиционной и высшей морали, так ставящая своей целью научное обоснование эффективности их практического применения. Сам термин «моралогия» является авторским. Изначально Чикуро Хироике использовал слово-

сочетание «наука о морали (нравственности)» (moral science – англ., dōtoku Kagaku – яп.).

В переводе с греческого –logy или –ology означает «наука». Обычно, для соединения двух корней используется гласная -о-. Но, так как первый корень moral имеет латинское происхождение, а второй – logy или ology – греческое, объединение этих двух элементов с точки зрения лингвистики неправомерно. Однако, существуют исключения: «минералогия» и «социология». Кроме того, моралология – сочетание грамматически не верное. Так Чикуро Хироике пришел к известному нам сегодня термину – моралогия.

Чикуро Хироике определяет моралологию как всеобъемлющую науку, призванную выделить универсальные законы существования и развития человечества посредством исследования всех аспектов жизнедеятельности человека – природы, общества и самого человека. Предмет моралологии – нравственность, соответственно, центральной задачей моралологии является разработка сравнительного анализа принципов, содержания и методов практики обыденной и высшей морали.

В ходе работы над формированием основных принципов, целей и задач новой науки Чикуро Хироике провел исследование, целью которого было выяснить, существуют ли в западной системе наук учения, сходные по содержанию, целям и поднимаемым проблемам с моралогией. Исследование показало, что только этика и философия морали изучают теорию нравственности (морали) и что не существует ни одного крупного труда по науке о морали. В книге Джереми Бентама (1748 – 1832) «Введение в принципы морали и законодательства» (1780) термин «наука о морали» используется для определения науки, изучающей «принципы общественной пользы». Попытку сформулировать некоторые идеи науки о морали так же можно найти в «Науке этики» (1882) Лесли Стефана (1832 – 1904). В этом труде Стефан, к сожалению, безрезультатно пытается обосновать науку о морали. Неудача ученого объясняется скорее не недостатком знаний или упорства, а неудовлетворительным состоянием науки конца XIX века в целом. Лесли Стефан посвятил этой проблеме первую главу своей книги «Сложности науки о морали». Он писал о «несовершенстве науки в целом, безнадежной многосложности проблемы поведения индивидуума, отсутствии научной психологии и несовершенстве методов, используемых социологией», а также о «недостаточности методов статистического и политэконо-

мического анализа».

Уровень развития естественных и психологических наук в начале XX века позволил не только ученым, занимающимся проблемами этики, но практически всему научному миру прийти к выводу о возможности научного обоснования законов морали. Так, Эрнст Хикл (1834 – 1919) писал в «Чудесах жизни» (1905) в главе «Нравственность»: «Научное исследование законов морали на основе психологии, эволюции, этнографии и истории указывает на их биологическую основу и естественное развитие». «Новая научная система морали» (1906) Джорджа Гора содержит следующие главы: «Как глобальная энергия управляет человечеством», «Как управляется мир», «Научно-обоснованная мораль», «Научные наблюдения о человеческих страданиях» и т.д. В предисловии он утверждает: «Они (главы) должны в сжатой форме показать, что все, или почти все феномены человеческого поведения могут быть рационально объяснены при помощи основных принципов науки, не прибегая к помощи каких бы то ни было бездоказательных утверждений». Ранее Гор изложил свои фундаментальные идеи в «Научной основе нравственности». В вводной части книги он утверждал следующее: «Факты – это истины; они являются основой всех знаний, и даже математические формулы должны им подчиняться. Закон или принцип есть абстрактная общая истина, которую следует изучить; правило – указание или предписание, которому надлежит следовать. Правила основываются на законах, а законы на фактах; таким образом, мы имеем факты и законы науки и основанные на них правила искусства и поведения. Закон, как правило, включает в себя много фактов; законы и принципы часто иллюстрируются фактами. Общий закон или истина достигаются путем открытия постоянства или единообразия переменных.

Наука состоит из фактов и законов, которые необходимо изучить, а искусство состоит из правил и указаний, которым необходимо следовать. «Наука учит нас знать, а искусство делать». Искусство часто называют наукой, но «где начинается искусство, заканчивается наука». Каждое искусство основано на науке... Факты, законы, опыт и предположения формируют исходный источник и основание всех наших знаний, деятельности и прогресса.»

Таким образом, Гор принял попытку научно обосновать значение нравственности.

Крайне сложно проанализировать и изучить каждый элемент психической активности индивидуумов. Более того, как бы далеко

не продвинулись в своем развитии различные области науки, чисто научное доказательство эффективности практического применения принципов морали представляется далеко непростой задачей. Генри Сиджуик утверждал, что «постепенно идея представить нравственность как основную часть научной истины пришла к полному отрицанию, а положение об эмоциональной стороне нравственного сознания стало общепринятым».

Проблемой научного обоснования законов нравственности занимались и советские ученые, однако, работая в рамках этики, они не стремились к выделению самостоятельной науки. Примером могут послужить работы доктора философских наук В.И. Бакштановского («Этика как «практическая философия»: традиционные образы и современные подходы» 1983г., «Моральный выбор личности: альтернативы и решения» 1983г. и др.) Владимир Иосифович стремился обосновать необходимость выделения особого раздела этических знаний и этических исследований, обеспечивающего перевод фундаментальных положений этики в конкретные программы, проекты и методику управления нравственно-воспитательной деятельностью и тем самым способствовать укреплению взаимосвязи этической теории и практики нравственного воспитания. В своих исследованиях он опирался на опыт лаборатории прикладной этики Тюменского индустриального института.

Исследования в области морали велись также в рамках социологии. В.М. Соколов в книге «Социология нравственного развития личности» (1986г.) предпринял попытку обосновать необходимость комплексного социологического рассмотрения нравственных проблем. Анализ этих проблем на стыке наук, на основе конкретных фактов, оригинальная методика безусловно интересны и сегодня. Основное внимание Владимир Михайлович уделил нравственному облику современной ему личности – ее целостности, активности и реакции на воспитание.

Теории о нравственности публикуются и сегодня в рамках этики или философии морали; но в большинстве случаев этика стремится объяснить теорию морали с точки зрения науки, а не научно продемонстрировать достоинства практического применения принципов морали. Поэтому она (этика) не может претендовать на идеальность в помощи людям в осознании благотворного эффекта практического применения принципов морали.

Философия морали так же несовершенна как этика, так как не

способна упорядочить современное запутанное мышление и разрешить практические проблемы. Невозможно только при помощи философских аргументов, основанных на догмах, представлениях, предположениях, умозаключениях и логических выводах, убедить научно развитые современные умы применять на практике принципы морали. Кроме того, изучение и научное обоснование принципов морали, безусловно, необходимо для развития мира и счастья человека. Огюст Комт (1798 – 1857) использовал «позитивистский метод» в изучении социологии в XIX веке и в каждой современной книге по социологии убедительно доказывается, что он полностью осознавал всю важность научной методологии.

Карл Пирсон в своей книге «Грамматика науки» утверждает, что «философский метод никогда не сможет привести к настоящей теории морали»; в предшествующем данному предложении он пишет: «поведение родителей в отношении ребенка и общества в отношении его антисоциальных членов не сможет быть поставлено на прочную и постоянную основу до тех пор, пока достойное внимание не будет уделено тому, что наука должна гласить о фундаментальных проблемах наследственности». Другими словами, Пирсон считает, что ни одна теория морали не может считаться совершенной без связи с законами наследственности. Фредерик Джодл (1849 – 1914) утверждает в первой главе «Этики и педагогики нравственности конца XIX века» «Кризис этики, вызванный дарвинизмом и теорией эволюции»: «Самым важным событием в истории мышления конца XIX века является появление и распространение теории эволюции главным образом предложенной Дарвином.

Эти тенденции также повлияли и на духовное мышление. Дарвин продемонстрировал в «Происхождении человека» не только физическое происхождение человеческой расы, но также духовную протоисторию человека.»

Таким образом, мы видим явные тенденции к использованию открытий теории эволюции, генетики и родственных ветвей естествознания в изучении морали, что является совершенно естественным процессом, сопровождающим значительное продвижение современного знания. «Это может показаться странным,» – продолжает Пирсон: «но лабораторные эксперименты биологов могут иметь большее значение, чем все теории!» Идея заключения этики в научные рамки встречается и в книге Генри Сиджуика «Методы этики», Герберта Спенсера «Принципы этики» и Самуэля

Александра «Нравственный порядок и прогресс: анализ этической концепции». Профессор Густав Белот в книге «Учение о позитивной морали», используя метод Комта, основателя позитивизма, рассматривает и факты, и идеалы морали.

Закончить мне бы хотелось цитатой В.М. Соколова «Непрерывно и всесторонне изменяется духовный мир человека. Столь же непрерывным должно быть и стремление к его глубокому научно обоснованному анализу»

*Наджафов И.А., ст. препод.
кафедры иностранных языков
Курского института менеджмента,
экономики и бизнеса*

Дискуссии - эффективный метод решения коммуникативных задач

Проблема коммуникативной компетенции, которая является основной практической целью обучения иностранному языку, остается актуальной в современной методике. Коммуникативная компетенция- это не только обмен информацией, но и понимание собеседника как личности, ведущее к успеху в совместном сотрудничестве,-- это умение высказать свое мнение и доказать свою точку зрения, умение выслушать оппонентов приобрести новый личностный опыт. Сформировать эти умения позволяет организация ролевой дискуссии. Метод, названный мною «Формирование коммуникативных полилогических умений», состоит из 2-х этапов: подготовленного и спонтанного. На I этапе—сценарий дискуссии, заранее составленный преподавателем, изучается всеми студентами группы и исполняется по ролям. Студентам, таким образом, предъявляется определенная модель обсуждения на тему, близкую их специальности, или на тему, например, семейных традиций, т.е. преподаватель должен составить сценарий, который стимулировал бы интересы, мотивацию, творчество. От того, как пройдет 1-ый этап дискуссии, от того, насколько будут развиты в заданном сценарии проблемность, возможность высказывания соб-

ственного мнения, будет зависеть спонтанно развивающееся обсуждение предложенной темы. На 2-ом этапе преподаватель становится одним из участников дискуссии: он направляет ее, дает возможность высказываться всем участникам обсуждения. От профессионализма и творческих умений преподавателя будут зависеть постоянное поддержание интереса и благожелательности друг к другу, снятие психолингвистических барьеров, затрудняющих общение. Материал, который подбирает преподаватель, должен соответствовать существенным аспектам учебной деятельности, отвечать требованиям познавательной ценности, актуальности, нравственного потенциала. Студенты должны понять, что их учебная работа будет иметь реальный выход в перспективное использование английского языка в жизни. Тематика дискуссионных сценариев, разработанных мною, была встречена студентами с интересом и способствовала переходу от подготовленной дискуссии к спонтанной, в которой выявлялись навыки использования английского языка в общении, понимаемом как процесс взаимодействия конкретных личностей, владеющих не только «лингвистическим кодом для кодирования некоего содержания по фонетическим, грамматическим, лексическим и стилистическим нормам данного языка», но и изучающих новую национальную культуру, новый «словесный комплекс». Так, в результате исполнения по ролям дискуссионного сценария «The Work in Advertisement—is it serious or not», студенты продолжили тему, развивая ее самостоятельно и инициативно, демонстрируя уровень владения английским языком, что послужило определению и оценке их речевых умений. Ниже приводится составленный мною образец дискуссионного сценария, последняя фраза которого выводит на продолжение дискуссии в неподготовленной форме:

«Discussion»:

«The Work in Advertisement –is it serious or not».

Leading person: Mister Zaytsev has visited our club .He considers that an advertisement is not a big deal, not a serious thing.

Mister Zaytsev: It is not only me, who thinks so. Every person is able to create an advertisement.

Leading person (addressing to Mr. Zaytsev): Do you know three main tasks of an advertisement?

Mr. Zaytsev: To praise, praise and praise.

Leading person: Let’s listen to the advertising professionals .

Mister Pigasov :Advertising is any paid form of special presentation and promotion of products, services, or ideas by an identifiable individual or organization. It flourishes mainly in free-market, profit—oriented countries.

Ms. Helen: It is one of the most important factors in accelerating the distribution of products and help them to raise the standard of living. Advertising cannot turn a poor product or service into a good one ,but what it can do - and does—is to create an awareness about both old and new products and services .

Leading person: Could you name three main tasks of an advertisement?

Ms. Helen:

1)to produce knowledge about the product or service;

2)to create preference for it;

3)to stimulate thought and action about it.

Ms. Olga K. : I'd like to add . Careers in advertisement may involve working for advertising, media, advertising agencies, or suppliers and special services.

Leading person: Who are the advertisers?

Ms. Olga R.: Most companies that advertise extensively have advertising managers, or brand managers. Since these people help to coordinate the company's advertising program with its sales program and with the company's advertising agency, they must have aptitudes for both advertising and management.

Leading person: How is the advertising connected with the mass—media ?

Ms. Julia: All media uses salesmen to sell advertising space or broadcasting time. Media sales- men must be knowledgeable about business and skilled in salesmanship.

Leading person: I know that there are advertising agencies. What are their functions?

Mr Zviagintsev: A variety of specialists are required in an advertising agency because it develops advertising programs, prepares advertisements, and places them in the media.

Mr. Zaytsev: Is it so difficult to make the text of advertisement? It is very simple.

Mr. Philonov: Copywriting requires creative writing skills and the ability to visualize ideas. The copywriter is a developer of advertising

ideas and messages. It is not all yet. Lay out, typography, and visualization are essential for those, in art, both for print advertising and for television commercials.

Mr. Zaytsev: You have almost persuaded me. And what are the perspectives for work?

Ms. Olga K.: Opportunities for rapid advancement are generally greater in advertising than in most other industries. How rapidly a person moves up in responsibilities and pay is based largely on his own efforts, more than on age or length of employment.

Mr. Zaytsev: You haven't mentioned nothing about payment.

Mr. Zviagintsev: In general the rate of pay is comparable to that of business executives and professional men, such as physicians and lawyers in the same community.

Mr. Zaytsev: Well, the advertisement is a very serious aspect.

Leading person: I thank everybody for interesting and convinced discussion.

The Master: How did they work earlier without using an advertising?

The last phrase has to stimulate the continuance of discussion.

Таким образом, эффективность использования дискуссионной формы общения заключается в следующем:

1. В процессе учебных дискуссий занята вся группа студентов.
2. В дискуссиях проявляется способность к решению коммуникативных задач той или иной степени сложности.
3. В ходе обсуждения студенты учатся правильно и быстро ориентироваться в условиях общения.
4. Дискуссия предполагает обучение навыкам ведения переговоров на английском языке с соблюдением этических норм и знанием иноязычной культуры, т. е. речевая деятельность студентов приближается к деятельности будущего специалиста.
5. Каждая неподготовленная дискуссия стимулирует усилия студентов в обучении английскому языку.
6. Дискуссия - удобная форма контроля сформированности не только речевых умений и навыков, но и групповой коммуникативной компетенции.
7. Частое использование таких форм общения, анализ возможных ошибок помогут избежать определенных трудностей, возникающих во время неподготовленной дискуссии.

Список литературы:

1. Леонтьев А. А. Психолингвистическая проблематика массовой коммуникации: Сб. статей.—М., 1974
 2. Станкин М.И. Психология общения. М., 1996
-

*Попов В. В., д.э.н., доцент,
зав. кафедрой экономики
Астраханского государственного
университета*

Определение прав собственности: пример Каспийского моря

В настоящее время Каспий представляет собой уникальное экономическое явление – огромную ничейную собственность, белое пятно на карте правового пространства. Какой правовой режим обеспечил бы эффективное использование природных ресурсов региона, и каковы перспективы его установления?

Любой раздел собственности – в первую очередь столкновение интересов, борьба взаимных претензий. Это – область права, здесь каждый за себя, преследует свои выгоды. Между тем не всякий раздел равноценен. Дело не только в том, сколько получит каждый в отдельности, но и в том, чтобы не погибло то, что делают. Одно из направлений современной экономической науки, институционализм [1], дает новые подходы к нахождению эффективного распределения прав собственности.

Обычная история развития отношений собственности на природные ресурсы такова. Первоначально эти блага имеются в избытке, поэтому вопрос о собственности даже не ставится, и они выступают как «общественные блага».

Положение меняется, когда возникает относительная нехватка данных ресурсов. Первоначально это может проявляться в осознании зависимости между потреблением одним человеком и всеми окружающими: досталось одному – не достанется другому. Теперь перед нами «общие ресурсы», они уже стали «объектами соперничества», но еще не обрели свойства «исключительности», поскольку нет пока средств не допустить к ним кого-нибудь, исключить его из потребления. Примером являются дикие животные, когда нет возможности проследить, кто на них охотится.

Система общей собственности, соответствующая этому случаю, наиболее опасна с экономической точки зрения, потому что ведет к «сверхиспользованию», истощению ресурсов. Это явление получило название «трагедии общинных земель» под влиянием классической статьи Г.Хардина [2]. Рыбные богатства Каспия становятся общим ресурсом в середине XX века, по мере появления высокоэффективных средств промышленного рыболовства. Бесконтрольный лов рыбы, с учетом современной техники, способен быстро уничтожить ее запасы.

Теперь прогноз полностью зависит от создания средств контроля, придающих ресурсу свойство «исключительности» и появления новых, более совершенных систем собственности: государственной или частной. Если этого не случится, ресурс обречен на гибель, что уже имело место со многими животными и птицами.

Как государственная, так и частная собственность способны ограничить использование ресурса и тем самым сохранить его, но делают это совершенно разным способом: первая объединяет людей, превращая в единого совокупного потребителя, а вторая разъединяет, формируя множество отдельных потребителей и «разбивая» единый объект потребления на части.

Длительное время главные богатства Каспия находились в единой собственности – в руках советского государства, что и спасло их от полного истощения. Спорные вопросы, связанные с неопределенность морской границы с Ираном, решались на межгосударственном уровне.

После распада СССР возникает проблема: делить ли Каспий между государствами (которые в свою очередь выбирали бы внутренний правовой режим, оставляя ресурсы в собственности правительства или в той или иной форме приватизируя) или обратить в единую собственность (договорившись о способе совместного государственного управления и, возможно, форме доступа для частных лиц).

Политически этот вопрос принял форму определения государственных границ на основе выбора между двумя международными нормами, принятыми для акваторий разного типа. Может даже показаться, что спор идет о словах: считать ли Каспий морем или озером.

Между тем данные правовые формы являются лишь отражением экономических отношений. Правовой режим моря, дающий отдельным государствам особые права лишь на узкую прибрежную

полосу, за которой начинаются нейтральные воды, оставляет широкую сферу общей собственности. Режим озера предполагает проведение границы, как на суше, и экономически означает придание ресурсам определенной степени исключительности: какой бы правовой режим ни существовал в данном государстве, доступ для иностранцев уже будет ограничен.

Общепринятый режим моря становится все менее эффективным даже в океанах по мере их хозяйственного освоения. Он оправдан только там, где делить, собственно, нечего, и затраты на охрану особых прав совершенно излишни. Надо признать, что именно так обстоит дело с огромной частью океанского дна, всеми глубоководными областями, но рыбные запасы уже повсеместно становятся редким ресурсом, что делает настоятельным определение прав собственности на них.

Демаркация границы, предполагаемая режимом озера, в свою очередь, является лишь определением суверенитета и еще не дает окончательного решения проблемы собственности. К сожалению, эти понятия часто смешиваются, особенно в нашей стране, где прочно привыкли считать: все, что на нашей земле – наше, а уж сама земля и ее недра – и подавно. Национализация иностранной собственности всегда представлялась чуть ли патриотическим делом, поступали так сами, призывали страны третьего мира, а потом естественно восприняли такие же действия бывших союзных республик, растащивших собственность Союза просто по принципу территории. Вот и пришлось гадать, чей теперь Байконур, чей – Черноморский флот, а что Нефтяные Камни – азербайджанские, даже не сомневались.

Такое восприятие является результатом отсутствия частной собственности. Не уважая частной собственности своих граждан, не допуская всерьез и собственность иностранную, тем более на землю и недра, посягательства на которые со стороны отдельных граждан до сих пор кажутся святотатственными – многие всерьез считают, что государственный чиновник позаботится о природных ресурсах лучше, чем частный хозяин или корпорация.

И все-таки сейчас уже нельзя игнорировать международные нормы, придется признавать собственность иностранцев и на недвижимость, и на землю (если только решится кто-нибудь купить, зная нашу милую привычку менять правила по ходу игры). Даже если при первоначальном разделе моря каждое государство объявит своей собственностью все, что входит в его сектор – со временем струк-

тура собственности и структура областей суверенитета решительно разойдется. Можно ожидать появления в каспийском регионе сложного переплетения не только государственных отношений, но и прав собственности.

Современная теория рассматривает собственность как «пучок прав», которые могут расщепляться, обособляться. Основываясь на классификации английского юриста А.Оноре, часто выделяют одиннадцать отдельных прав (владение, распоряжение и т.д.) [3]. В известном смысле в их число можно включить и суверенитет, как исключительное право особых институциональных агентов, государств, устанавливать и изменять все остальные права. Даже в том случае, когда правовые системы разных государств совпадают, остается собственное содержание у «суверенитета», как права устанавливать налоги и регулировать их величину.

Раз отдельные права относительно независимы, их можно приобретать порознь и разграничивать по объектам.

Из всего многообразия богатств Каспия выделим два самых значительных и характерных: нефть и красная рыба. Их собственники могут не совпадать, даже сами режимы собственности могут отличаться.

Что касается нефти, то раздел морского дна между государствами становится лишь первым толчком к дальнейшему делению прав собственности, связанному с различием работ: разведка, добыча, транспортировка, хранение, переработка и т.д. В рыночной экономике все это делается частными фирмами, а в руках правительства остается лишь национальный флаг (что отнюдь не мало, хотя бы потому, что дает права на получение налогов).

Приватизация этой сферы скорее всего станет долгой и мучительной, особенно если будет искусственно тормозиться или вестись на некоммерческих началах. Сохранение нефтяных запасов в государственной собственности вовсе не делает их «народными», а оставляет в руках служащих, которые не чувствуют себя хозяевами и не способны эффективно распоряжаться. В лучшем случае получается групповая кормушка вроде Газпрома, в худшем – казнокрадство.

Красная рыба, в известном смысле, представляет собой более сложную проблему. Частная собственность непосредственно на рыбные косяки нереальна. Раздел поверхности моря, даже между странами, ничего не дает: осетровые движутся через весь Каспий, достаточно одному из пяти государств раскинуть «большую сетку» в своей зоне – все попадутся. Да что там государства, при нашей

феодалной раздробленности одна Калмыкия могла бы примерно то же сделать.

Межправительственные соглашения об ограничении добычи могут оказаться недостаточно эффективными, снижая стимулы к борьбе с браконьерством, особенно у небольших государств – оно станет просто удобной формой превышения собственной квоты.

Это тот случай, когда разбивать собственность недопустимо. Более корректным решением представляется создание единой компании, объединяющей добычу красной рыбы (и обеспечивающей ее воспроизведение) во всем каспийском бассейне, включая Волгу. Только единый собственник может в этой ситуации вести верный расчет затраты-выгоды и стремиться не к хищническому истреблению редкого ресурса, а к непрерывному поддержанию его в оптимальном объеме.

Создание подобной компании предполагает определение участия отдельных государств в ее доходах. Чтобы избежать этих сложностей, компанию следовало бы признать некоммерческой организацией, использующей все свои поступления для воспроизводства и сохранения осетровых – эта крупномасштабная задача может потребовать даже дополнительных средств, субсидий.

В заключение надо подчеркнуть, что постановка вопроса о разграничении прав собственности, о разделе Каспия, не означает разъединения стран и народов. Это именно та ситуация, когда «чтобы объединиться, надо сперва размежеваться» – только четкое определение прав отдельных собственников открывает дорогу к их эффективному взаимодействию, к утверждению каспийского региона как единого социально-экономического образования.

Список литературы

1. Шаститко А.Е. Неинституциональная экономическая теория. – М.: ТЕИС, 1988.
2. G.Hardin, «The Tragedy of the Commons», Science, 1968, pp. 1243-1247.
3. Капельюшников Р.И. Экономическая теория прав собственности (методология, основные понятия, круг проблем). – М.: ИМЭМО, 1990. – С. 11.

*Скрябина Т.В., к.соц.н., доцент
кафедры социологии и права
Курский институт менеджмента,
экономики и бизнеса*

Этническая и локальная идентичность пограничного региона как объект социологического анализа

Каждый человек имеет множество идентичностей. Все они важны для его гармоничного развития, взаимодействия с другими людьми и социальными институтами, - в конечном итоге, для его жизнедеятельности в социуме.

На наш взгляд, существуют два тесно связанных между собой вида идентичности человека как социального существа: этническая и локальная. Причем этническая идентичность, несомненно, является базовой, на которую накладывается локальная. Их формирование зависит от условий социализации и социального положения каждого конкретного человека.

Нами был проведен ряд исследований, целью которых стало изучение механизмов формирования и функционирования локальной идентичности и ее соотнесения с этнической идентичностью. Объем выборки составил 800 человек.

На вопрос о том, с кем они себя отождествляют, только 34,33 % опрошенных ответили, что идентифицируют себя с русскими людьми (при том, что свою национальность как «русский» заявили более 90 % респондентов). Многие сочли более важными иные основания для идентификации. Так, 63,38 % респондентов предпочитают в качестве идентификатора гендерную принадлежность; 29,00 % - принадлежность к возрастной группе; 29,00 % - к социально-профессиональной группе; 13,00 % считают себя обладателями определенного имущественного статуса. 52, 17 % ощущают свою принадлежность к собственной семье, еще 8,33 % - к своему роду.

Вернемся к этнической и локальной идентичностям человека. Каждый человек живет в локальном сообществе – объедине-

нии, группе людей, которые проживают друг от друга на расстоянии, делающим возможным повседневное общение. Членов локального сообщества связывают формальные и неформальные социальные связи, и они объединяются вместе для отстаивания собственных интересов, связанных с местом проживания.

Локальная идентичность формируется как результат двух процессов – объединения и различения. С одной стороны, люди, идентифицирующие себя с локальным сообществом, чувствуют свое единство, свою похожесть с живущими рядом с ними, с другой – они отличают локальное сообщество, членами которого являются, от других сообществ – локальных, региональных, государственных.

Локальная идентичность тесно связана с идентичностью этнической (или этнокультурной). В современном российском обществе сложно найти этнические общности, которые не испытывали бы воздействия со стороны культур других народов. Тем более невозможным представляется найти «цельные» этнические общности в пограничном регионе, каковым является Курская область, граничащая с Сумской областью Украины.

Среди учёных нет единства в определении, что есть этничность, но есть некоторые базовые характеристики, свойственные для всех общностей, которые позволяют считать их этническими или говорить о присутствии этничности как таковой. К числу таких характеристик относятся:

1. наличие разделяемых членами группы представлений об общем территориальном и историческом происхождении, единого языка, общих черт материальной и духовной культуры;
2. политически оформленные представления о родине и особых институтах, как, например, государственность, которые также могут считаться частью того, что составляет представление о народе;
3. чувство отличительности, т.е. осознание членами группы своей принадлежности к ней, и основанные на этом формы солидарности и совместные действия.

В своем исследовании мы также исходили из того, что чем выше доля горожан, идентифицирующих себя с локальными сообществами, тем более развита у них этническая идентичность

При идентификации с местом проживания 53,83 % считают себя гражданами России; 7,67 % идентифицируют себя как жителей Курской области; 45,67 % - как жителей города Курска; 6,67 % - как жителей района, улицы, дома. Имущественное положение, образование, пол и возраст респондента не влияют на осознание им своей локальной принадлежности. Эти результаты подтверждает тот факт, что на вопрос о том, кто, по мнению респондента, мог бы помочь его семье повысить уровень благосостояния, 14,41 % опрошенных (в ряду прочих ответов) называют государство; 5,41 % - городские власти; 0,45 % - областные власти. Наши данные в целом соотносятся с данными, приводимыми в работе В.Рукавишникова, Л.Халмана, П.Эстера: с Россией идентифицируют себя 49 % взрослого населения; с регионом – 17 % и столько же – с локальными сообществами. Таким образом, можно сделать вывод, что в нашей стране доминирует общенациональная идентичность, в противовес западным странам, где практически повсеместно с большим отрывом лидирует идентичность локальная.

Столь низкая локальная идентичность делает затруднительным формирование в России социального капитала, а идентификация горожан прежде всего с семьей, и только потом – с этничностью и локальностью существования показывает, что социальные сети в локальных сообществах будут, скорее всего, замкнуты на родственные или дружеские связи, что в конечном итоге затрудняет социальную мобильность (трудовую, социальную, политическую). Об этом косвенно говорит тот факт, что 24,33 % опрошенных в случае необходимости предпочитают просить в долг у членов своей семьи, 35,33 % - у родственников; 14,67 % - у друзей. Обращает на себя внимание то, что у соседей (то есть людей, которые живут рядом и с которыми человек постоянно вступает в контакт в процессе своей жизнедеятельности) предпочитают просить в долг всего лишь 8,00 % респондентов. Еще ниже степень доверия к коллегам по работе (2,33 %), а также к формальным социальным институтам (3,67 % предпочитают взять ссуду в банке, на предприятии).

Показательны данные, полученные в результате анализа уровня гражданской активности членов локальных сообществ. Так, на вопрос: «Готовы ли Вы принять участие в субботниках, мероприятиях по уборке двора, улицы?», 49,08 % опрошенных ответили, что принимают участие в коллективных мероприятиях; 13,57 %

принимают в них участие иногда; 10,39 % - редко, 17,42 % - никогда, а еще 9,55 % респондентов утверждают, что в их дворе (на их улице) не проводятся коллективные мероприятия.

Только 24,46 % опрошенных уверены, что члены локального сообщества (жители многоэтажного дома, улицы) могут эффективно взаимодействовать с институтами своей власти и отстаивать свои интересы – они ответили утвердительно на вопрос: «Как Вы считаете, могут ли жители Вашего дома, Вашей улицы влиять на качество жилищно-коммунального обслуживания населения?», еще 12,23 % считают, что члены локального сообщества, как правило, могут влиять на качество своей жизни, 22,95 % думают, что люди могут влиять на качество своей жизни в некоторых случаях, а 40,37 % уверены, что это невозможно.

Интересен набор методов, с помощью которых члены локальных сообществ предпочитают влиять на качество своей жизни. 38,67 % предпочитают жалобы; 19,67 % готовы подать в суд в случае нарушения своих прав, 6,50 % считают, что в этом случае помогут акции протеста; 19,50 % обратятся в средства массовой информации; еще 15,67 % будут выяснять отношения с виновниками нарушения своих прав на уровне выражения личного недовольства («ругаться с начальниками»); 6,00 % - пассивное гражданское неповиновение (перестать платить за квартиру в случае некачественных жилищно-коммунальных услуг); 11,67 % респондентов вступят во взаимодействие с властными органами (7,67 % пойдут на прием к главе города и 4,00 % - к главе округа), только 2,67 % предпочитают участвовать в политической жизни («вступить в политическую партию») для отстаивания своих прав.

Косвенное подтверждение мы получили, задав вопрос: «Представьте, что в непосредственной близости от Вашего дома начали строительство бензозаправки, которая будет мешать Вам, представлять опасность и загрязнять окружающую среду. Часть жильцов решила помешать строительству. Примете ли Вы участие в их действиях?». 15,17 % респондентов отвечали, что примут активное участие в противодействии нарушения их прав и выступят инициатором противостояния; 45,17 % - что примут активное участие, но инициатором действий не будут; 19,17 % окажут посильную помощь; 3,00 % подскажут, куда можно обратиться, но сами принимать участия не будут; 15,50 % не будут принимать участия сами и запретят делать это членам своей семьи; 1,33 % будут пре-

пятствовать действиям жильцов, если им это будет выгодно.

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

Базой для формирования локальной идентичности является этническая идентичность. В Курском регионе и этническая, и локальная идентичности развиты слабо. В области, так же, как и повсеместно в России, доминирует общенациональная идентичность, около 30 % населения идентифицируют себя как русских и только менее 10 % жителей отождествляют себя с локальным сообществом, членом которого являются.

Социальные сети в локальных сообществах замкнуты, по большей части, на семейное и дружеское окружение. Степень вовлеченности в дела локального сообщества достаточно низкая, преобладают пассивные формы; коллективному действию люди предпочитают индивидуальное. Налицо низкая степень уверенности в успехе коллективных действий.

Таким образом, теряются некоторые базовые характеристики, позволяющие говорить о присутствии в социуме этничности как таковой, прежде всего – осознание членами сообщества своей локальной и этнической принадлежности, что существенно затрудняет основанные на этом формы солидарности и коллективные действия.

*Suspitsin Dmitry,
research assistant at Pennsylvania
State University and is a
PROPHE collaborating scholar*

Russian Private Higher Education: Alliances with State-Run Organizations

Russian private higher education is about a decade old. While it shares many features of private sectors of higher education worldwide, one of its prominent traits is hardly addressed in the private higher education literature: considerable public involvement in the creation of Russian private higher education institutions and continued association of private institutions with various state-supported organizations and public resources.

There are currently over 500 private institutions (as compared with 620 public ones), accounting for roughly 10 percent of enrollments in higher education. Generally located in metropolitan and large urban centers--such as Moscow, St. Petersburg, Kazan, and Novosibirsk--these institutions mainly offer market-related programs in economics, law, psychology, sociology, social work, business administration, and other fields that do not require much investment in equipment and research infrastructure. They are characterized by responsiveness to the needs of the labor market, flexibility of course offerings and curricula, frequent use of learner-centered instructional methods, heavy reliance on part-time faculty, tuition dependence, loose admissions requirements, limited concern about research, and many other features typically ascribed to private institutions worldwide. Only a handful of Russian nonstate institutions have acquired a reputation for high-quality education, with the majority offering degrees that are still questioned by employers and the general public. Like private higher education elsewhere and unlike the privatization in industry, Russian nonstate higher education institutions were not created by turning public institutions into private but rather by organizing new institutions, virtually from scratch.

Russia's private higher education institutions are commonly referred to as «nonstate» institutions in legal documents and in public discourse, connoting the state's limited role and its separation from the private sector. While nonstate institutions are not funded by the central government, they receive considerable support and resources from other state-run organizations and agencies, and their connection to the governmental structures is much closer than they declare it to be. In fact, various state-related organizations have been actively participating in the process of founding private institutions. Their participation was particularly pronounced in the early years of Russian private higher education development. According to the law, nonstate institutions can be established by organizations, individuals, or the mixture of the two. At present, roughly half the institutions have mixed founding entities, while a quarter come from organizations alone, and only the remaining quarter are founded by private individuals.

Various central government structures are involved in founding private institutions. Among their founders and cofounders, particularly in Moscow, it is not unusual to encounter state ministries and committees and subcommittees of the state Duma (parliament). In the provinces, regional and local administrations and city authorities are also frequent

founding organizations. While some of these governmental organizations are necessary for nonstate institutions in symbolic terms, others bring real, palpable assets. The assistance from the government does not typically involve direct funding but rather provision of access to other resources, such as physical plant and buildings. Institutions created in such a way usually are very willing to publicize their connection to the government to gain stability and social acceptance.

Perhaps the most active actors in the founding of nonstate institutions are the state-supported, public colleges and universities, and specialized research institutes and academies, including the Russian Academy of the Sciences, the Russian Academy of Education, and academic, research-oriented institutions operating under the auspices of various ministries. According to the Association of Nonstate Institutions of Higher Education, over half the nonstate institutions of higher education include these academic public institutions as founding or co-founding entities.

Considerable variation exists in the kind of interaction between public and private institutions and in the influence of the founding public universities and research institutions over governance affairs of the private ones. A sizable number of nonstate institutions were created based on decisions of public universities' academic councils or of motivated high-ranking administrators--particularly rectors, deputy rectors, and deans. In such instances, the newly established private institutions have a public university and private individuals (e.g., rectors) among their founding entities, and they are typically housed within public institutions, sharing all the resources of the founding public university--including libraries, sporting facilities, dormitories, research laboratories, and other assets. Although they are separate statutory bodies legally, many nonstate institutions established in this way are quite dependent on their founding public counterparts, informally governed by rectors of public institutions, and in effect operating as branches of these public institutions. Other nonstate institutions are administratively independent and are engaged in mutually beneficial relationships with their parent public institutions.

The fact that many institutions are established by private individuals or businesses may often give a misleading impression of independence from state-run organizations. In reality, many of these institutions are closely linked to governmental structures through networks of formal and informal connections and seek to take a share of public re-

sources. Indeed, the informal involvement of government officials in the governance of private companies, including higher education institutions, is very common in Russia. Private businesses often seek closer ties to officials and coopt them into closer association with their companies. Additionally, these linkages manifest themselves through nonstate rectors' connections with the government in cases when the rectors are former public officials who still retain extensive contacts in the government.

Thus many «private» or «nongovernment» higher education institutions in Russia are heavily dependent on interlocking relationships with the government and various publicly run organizations. In a country with extensive statist traditions, this nexus may be a necessary condition for the legitimacy and survival of nonstate higher education institutions.

*Daniel C. Levy Distinguished Professor,
State University of New York (SUNY)
Department of Educational Administration
& Policy Studies, University at Albany-SUNY*

Types of private higher education

The lack of anticipation and central policy in determining (or even usually trying to determine) private higher education roles is impressive across different types of private higher education, where mixes of motivations, actors, and forces vary greatly. Particular mixes translate into different roles. Where there are sufficient patterns and a sequential sense to the mixes, we discern «waves» of growth evolving into different types (or sub-sectors) of private higher education.

The region about which we have the closest analysis of private growth against the background of public monopoly is Latin America. For decades, this was the leading region in private growth, as the sector jumped from 3 percent of enrollment in the 1930s to 34 percent by 1975, then moving modestly higher. Even simplified analysis of this growth specified three basic waves, each leading to a concomitant set of roles. The three-part categorization is a useful starting point for global analysis of how growth leads to roles in contemporary private higher education. Latin America's first wave of private growth usually in-

volved Catholic universities with a religious role. A second wave was more a reaction to the perceived «massification» or decline in quality of public higher education, and often assumed elite roles in social class, academics, or high positions in especially the private job market. A third wave mostly captured rising demand for higher education that exceeded the supply of public, «free» higher education; this means roles related to access, but different institutions offering such access undertook a different mix of tasks. It is mostly the third wave that foreshadowed for the late twentieth and early twenty-first century the fresh growth of private higher education in Latin America—and the startling growth in much of the rest of the developing world and the post-communist world (whether by post-communist we mean the collapse of the former political system, as in Eastern and Central Europe, or radical economic change without political collapse, as in China and Vietnam).

Shock is evident in the reaction to each such wave—shock over the end of public monopoly, shock over the end of clear public superiority, and shock over a major shift in enrollment proportions from public to private as well as from «high» university to «low» or non-university institutions. None of the waves has been predominantly planned either in Latin America or in most of the world.

Rarely did a negotiated plan between state and church deprive the church of its traditional role in Latin American universities in exchange for a church right to create its own (private) universities; such creation generally surfaced as the church's second-best alternative, after being pushed aside within existing universities. As religious or other culturally oriented roles often dominate in a first wave of private growth in other regions as well, with examples from Indonesia to Tanzania to Ukraine, we need more research to explore the parallels. This is certainly true where the first private institutions blend aspects of waves historically experienced more sequentially elsewhere, as with religious or other cultural initiative coupling with either access or socioeconomic elite roles.

Regarding most elite undertakings, we do not imagine that policymakers in any region set out to make public universities less attractive in order to create a demand for private institutions pursuing elite roles. Such creation surprised most observers in the first Latin American countries in which it occurred, and then (however surprisingly in retrospect) managed to surprise observers in other countries of the region. Elite roles have emerged in only some countries in other regions, and in only some private institutions within those countries. But attempts from Bond University in Australia to Bilkent University and Ko◇University

in Turkey to Moscow International University usually do not follow state policy designs. Instead, wealthy entrepreneurs have often initiated these recent elite efforts and, as the Chinese case shows, there sometimes is a mix of initiative by businesspeople and leading academics or administrators with public university experience. Such private actors do indeed have plans for their institutions, sometimes executed successfully, but this micro planning takes most others by surprise.

Regarding what was the third wave for Latin America, but varies in whether it appears initially or subsequently in other regions' evolution, a key is that (more than other private growth) this growth involves small and also non-university institutions. This helps explain why the sense of unanticipated proliferation is greatest here. And this is crucial since in recent decades this has been the most common form of private higher education growth worldwide. Where public budgets do not meet the still rapidly growing demand for higher education, students pay for alternatives. But there is great diversity even within this growth—a diversity that goes beyond the original identification of the third wave (and thus demands fresh research globally). Some of these private institutions play a «role» of little more than taking in tuition while dishing out poor education and then weak degrees to those who do not drop out; thus the «role» is perhaps one of making profit. More positively, many have roles of providing access for those who could not otherwise get into higher education. This may be seen as an equity role. Others provide a choice related to access. They rarely assume or claim to assume academic elite roles complete with doctoral education, basic research, large laboratories or libraries, or mostly full-time academic staffs. This provides an opening for critics to belittle these institutions as not «true universities,» not fulfilling university roles. Yet the same private institutions may assume leadership roles in fast-growing entrepreneurial fields. These include business, administration, accounting, management, tourism, English, and areas of computer or informational sciences. For their business-oriented roles they are simultaneously vilified by many and increasingly attractive to many others. Either way, the key initiating force is not a government blueprint so much as an entrepreneurial mix involving either big or small business (often family business) and quite uncoordinated student demand.

Today's sudden growth of for-profit higher education strengthens the notion of third wave or demand-absorbing growth as essentially market-driven rather than government designed. Rarely did a plan or debate launch or anticipate the for-profit surge. In fact, this is an eruption in certain respects against the law, or on its fringes. That is one rea-

son many essentially for-profit higher education institutions declare themselves nonprofit, not going «public» onto a stock exchange or formally distributing profits to shareholders but nonetheless generating profits from their core activities. Legislation often proscribes for-profit higher education but the key point here is how rare it is that legislation specifically allows for-profit institutions; where no mention is made of for-profits, this reflects the reality that they were not envisioned. For various reasons, then, for-profits often arise in legally ambiguous settings, not contemplated in the legal framework. As in China, Hungary, and many other countries, it is unclear how much rulemaking will eventually come from laws on higher education, on business, or on nonprofit organizations.

The for-profit surge dramatically illustrates certain facets of legal status that have for some time characterized unanticipated non-profit private higher education emergence. The lack of legal foresight or provision has frequently meant decades of de facto existence amid legal ambiguity, as in Greece and Malaysia. Many examples of private functioning in legal limbo come in the early years of movement away from communist systems with their clear proscription of private institutions. A common pattern in such cases is that institutions function, admitting students, teaching courses, and so forth, but without the right to issue the national degree offered by institutions in the legal mainstream, or offering degrees or diplomas that lack state recognition. Notable in this respect is that the power of such diplomas has often proven far stronger than predicted for these academically non-elite institutions. This relates in part to the diminished importance of the state as employer and to the rise of a private sector of employment, most startlingly in post-communist settings. Employment success also reinforces the common opposition of public universities—and sometimes of entrenched private universities—to the rise of private institutions with entrepreneurial roles. Where the established institutions belong to officially recognized associations, the entrepreneurial growth assumes a sharpened sense of thriving *against* mainstream policy for higher education. The basic idea of development against policy intent, interest groups, and often much public opinion reinforces our theme of unanticipated, undirected growth.

Internationalism is a related development in which the recent for-profit surge dramatizes a longer-standing phenomenon of private emergence outside government policy. Indeed, the international and for-profit tendencies increasingly overlap. As Sylvan Learning and other large companies open or buy up private higher education institutions around the world, and as increasing numbers of for-profits are parts of interna-

tional networks, both policymakers and scholars scamper to figure out what to make of this, or how to respond.

Of course, certain actors involved in a particular wave or type of private higher education development are not totally surprised. On the contrary, as already suggested, some may be planners of change but usually micro-planners, operating at the level of one or a few institutions, with neither authority nor necessarily even concern to envision a sector overall. However successfully they may plan their own growth and change, they surprise others and are surprised themselves by what transpires elsewhere in the private higher education sector, including its scope and variation. Thus, for example, managers of Chile's established private and public universities acknowledge their great surprise at the success of the new private institutions and the vibrancy of the sector overall. Initiators' actions are rarely coordinated and are more often competitive or just isolated as they involve different terrain, means, and purposes.

Furthermore, no claim is made that roles emerge in different types of private higher education without any central policymaking whatever. A change in legislation is often required for private higher education to be born or at least to gain official status. State-church accords are part of what allows the first private institutions to evolve in certain countries, or to have survived in a few European instances under communism.

And probably the major sense of state policy leading to private roles concerns the demand-absorbing growth in several Asian countries--Japan and then others. Government looked ahead to expanding enrollments and decided to maintain public university selectivity, simultaneously or later allowing an emerging private sector or subsector to handle multiplying demand. This does not mean that government created the private sector or shaped its mix of roles; a policy that allows private growth is not necessarily a policy to initiate that growth or determine the particular roles it comes to play. Nonetheless, surprise about private growth is at least somewhat limited after government ends policies that prohibited private higher education or made its growth very difficult. In any event, the mix of government policy and other forces varies by country. The greater shaping by several Asian states is offset by the lesser role in Sub-Saharan Africa and Latin America as well as by Asian countries without repressive or otherwise strong states. Indonesia, and the Philippines have resembled the less-designed cases common outside Asia. Even in China, the picture is more one of policymakers and analysts trying to track, judge, and modify surging

phenomena than of their having specifically envisioned or designed the roles that are blossoming in private higher education.

So even where there is state planning of roles for one or another type of private higher education, it is usually limited and reactive. It often involves recognition of trends—including roles—already developed outside any central vision or policy design. This includes the clarification of, or at least tinkering with, the fuzzy legal status cited earlier. With the recognition sometimes come policy efforts (as in China) to facilitate the trends and roles, as in using private institutions to absorb a major enrollment growth that the public sector could not accommodate financially or could not accommodate without further loss of quality. Legislation sometimes lifts barriers that impede private growth or were intended to impede it.

The reactive character of state action is strongly shown by a widespread pattern of *delayed regulation*. Private higher education growth catches government by surprise and then government tries to figure out what roles are played and what roles should be curbed. Lack of regulation followed within a few years by a strongly reactive government hand characterizes Romania, Ukraine, Georgia, Russia, Chile, Peru, El Salvador, South Africa, and Quebec, and many other cases. National accreditation systems are prominent examples of mechanisms springing up or being revamped in part to respond to unanticipated private growth.

A final consideration here about the limited policy detailing or anticipation of emerging roles in different types of private higher education concerns the influence of the roles pursued by public higher education. (Later in the paper we consider how the public sector may condition the distinctiveness or non-distinctiveness of private roles.). Although the influence of the public sector's roles can be great, it is often ignored in academic and policy discussions of emerging private roles. This ignoring reflects the fact that public sector roles—however much they are or are not themselves centrally prescribed—are rarely hatched in terms of how they will influence private roles.

In fact, private roles often turn out to depend on what roles public sectors do not undertake. The public unawareness or purposeful avoidance allows some groups, including entrepreneurs, to perceive a need or opportunity for private action. The point is relevant to all types of private higher education. For «academically light» roles the public sector does not deign to undertake, there is sometimes a true sense of intentionally leaving roles to private institutions; our major example concerns the Asian cases where public sectors did not take on major demand-absorbing access roles. However, even refusal to assume such an

access role has not always been with a keen eye on what the private sector might do. Instead, refusal is often based simply on what the public sector prefers to do or thinks it can do well or what government thinks it can do. Or it is less about refusal and rejection of potential roles than about the absence of serious consideration of additional roles. Where public universities in Eastern and Central Europe do not «lower» themselves to fields such as accounting or business management as new economies are created, they do not always consider or approve of private institutions assuming those roles. The same holds for related roles of serving business or pursuing profit. And where the public sector secularizes itself or pursues multiple cultural roles, it is usually not with intention or expectation of the rise of private institutions with cultural niche roles. Most clearly, public universities in regions like Latin America did not undertake massive access roles with the intention or expectation of giving rise to private institutions with elite roles.

Jokes about economics

We all know what pareto optimal allocation means... What about Jesus-optimal allocation -- when all persons are equally well off, and one person really gets it bad, worse off, while all the rest are much better off...

Dostojevskij-minimum: When everyone is so bad off that no-one can be worse off without anyone getting better off. (Beware of the second-order condition!)

Achieving free trade is like getting to heaven. Everyone one wants to get there, but not too soon.

TOP 10 REASONS TO STUDY ECONOMICS

1. Economists are armed and dangerous: «Watch out for our invisible hands.»

2. Economists can supply it on demand.

3. You can talk about money without every having to make any.

4. You get to say «trickle down» with a straight face.

5. Mick Jagger and Arnold Schwarzenegger both studied economics and look how they turned out.

6. When you are in the unemployment line, at least you will know why you are there.

7. If you rearrange the letters in «ECONOMICS», you get «COMIC NOSE».

8. Although ethics teaches that virtue is its own reward, in

economics we get taught that reward is its own virtue.

9. When you get drunk, you can tell everyone that you are just researching the law of diminishing marginal utility.

10. When you call 1-900-LUV-ECON and get Kandi Keynes, you will have something to talk about.

Engineers and scientists will never make as much money as business executives. Now a rigorous mathematical proof that explains why this is true:

Postulate 1: Knowledge is Power.

Postulate 2: Time is Money.

As every engineer knows,

Work

----- = Power

Time

Since Knowledge = Power, and Time = Money, we have

Work

----- = Knowledge

Money

Solving for Money, we get:

Work

----- = Money

Knowledge

Thus, as Knowledge approaches zero, Money approaches infinity regardless of the Work done. Conclusion: The Less you Know, the more money you Make.

Аннотация

В статье затрагиваются две проблемы, касающиеся заимствований: первая — это место иноязычных слов в языковой картине мира, вторая — насколько реальна угроза со стороны заимствований самостоятельности языка-рецептора.

The article touches upon two problems concerning borrowings. The first point is the place of foreign words in the linguistic picture of the world/ the second one is the potential threat of the borrowings to independence of the language-receptionist.